

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Института права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
_____
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой
_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе РФ»

Студент

В.А. Колганов

_____
(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, М.Ю. Жирова

_____
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Актуальность темы исследования заключается в том, что в правоприменительной практике суды часто необоснованно удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, выполняя при этом не присущую суду функцию обвинения. Такого рода правоприменительная практика нуждается в выработке рекомендаций, которые позволили бы привести ее в соответствие с обновленным законодательством. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость изучения процесса применения судом мер пресечения.

Цель работы – рассмотреть меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе РФ.

Задачи исследования: рассмотреть понятие и систему мер процессуального принуждения в уголовном процессе; охарактеризовать меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения: понятие и особенности; выделить основания применения мер пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании; дать характеристику отдельных мер пресечения; обозначить проблемы применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве России; внести предложения по совершенствованию законодательства в части регламентации мер пресечения.

Объектом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства РФ и теоретические разработки российских процессуалистов по проблемам, касающимся мер пресечения, а также судебная практика и практика органов предварительного расследования.

Предметом исследования является институт мер пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие, сущность и место мер пресечения в системе мер принуждения	6
1.1 Понятие и система мер процессуального принуждения в уголовном процессе	6
1.2 Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения: понятие и особенности	12
1.3 Основания применения мер пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании	19
Глава 2 Характеристика отдельных мер пресечения	26
2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство	26
2.2 Наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым	31
2.3 Залог, домашний арест	39
2.4 Заключение под стражу	50
Глава 3 Проблемы избрания и применения мер пресечения в уголовном процессе	56
3.1 Проблемы применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве России	56
3.2 Предложения по совершенствованию законодательства в части регламентации мер пресечения	61
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Меры пресечения в уголовном процессе являются одним из наиболее важных институтов. Несмотря на то, что они позволяют эффективно обеспечивать цели уголовного процесса, их применение существенно затрагивает сферу конституционных прав, свобод и законных интересов граждан. Поэтому от законного, своевременного и обоснованного применения мер пресечения зависит достижение равноправия между целями правосудия и правами человека.

В правоприменительной практике суды часто необоснованно удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, выполняя при этом не присущую суду функцию обвинения. Такого рода правоприменительная практика нуждается в выработке рекомендаций, которые позволили бы привести ее в соответствие с обновленным законодательством. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость изучения процесса применения судом мер пресечения.

Институт мер пресечения неразрывно связан с ограничением прав и свобод личности. В статье 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закреплён принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [24]. Соблюдение данного принципа обязательно для всех отраслей государственной власти, в том числе, в процессе правоотношений, возникших в связи с совершенными правонарушением.

Цель работы – рассмотреть меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе РФ.

Данная цель определяет постановку следующих задач:

- рассмотреть понятие и систему мер процессуального принуждения в уголовном процессе;

- охарактеризовать меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения: понятие и особенности;
- выделить основания применения мер пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании;
- дать характеристику отдельных мер пресечения;
- обозначить проблемы применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве России;
- внести предложения по совершенствованию законодательства в части регламентации мер пресечения.

Объектом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства РФ и теоретические разработки российских процессуалистов по проблемам, касающихся мер пресечения, а также судебная практика и практика органов предварительного расследования.

Предметом исследования является институт мер пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Теоретическая основа исследования. Вопросами мер пресечения, конкретными их видами занимались такие ученые, как А.С. Александров, С.А. Баранов, Н.В. Буланова, В.В. Вандышев, М.Х. Гельдибаев, К.Б. Калиновский, Г.В. Костылева, В.А. Михайлов, А.П. Рыжаков, А.В. Смирнов, М.С. Строгович, В.С. Удовиченко, О.И. Цоколова.

Нормативно-правовой базой исследования послужило действующее законодательство – Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ), иные нормативные правовые акты, а также материалы судебной практики.

Методология. При написании работы использовались следующие методы научного познания: метод анализа и обобщения, логический, формально-юридический методы исследования.

Структура. Работа состоит из введения, трех глав и девяти параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, сущность и место мер пресечения в системе мер принуждения

1.1 Понятие и система мер процессуального принуждения в уголовном процессе

Принуждение – это воздействие на человека к выполнению определенных действий и возложения на него обязанностей с применением или угрозой применения силы, устрашения путем лишения его благ и свобод. Государственное принуждение – это принуждение материального физического, психического характера, применяемых от лица государства уполномоченными на то субъектами в установленном законом порядке.

В лексическом понимании термин «принуждение» рассматривается как производное от глагола «принудить», что означает «заставить сделать что-то». Если говорить о правовом наполнении данной категории, то в теории права принуждение всегда употребляется применительно к таким правовым категориям как «власть» и «государство», что вполне объяснимо — принуждение в теории рассматривается как средство осуществления государственной власти.

Любые социальные структуры характеризуются множественностью субъектов, а, следовательно, и многообразием присущих им интересов. К числу таких структур, вне всяких сомнений, относится и государство, которое, как известно, является формой организации общественной власти. Для реализации этих интересов субъекты — их носители постоянно вступают в отношения друг с другом. При этом, что вполне очевидно, если интересы субъектов данного отношения взаимны, не противоречат друг другу, дополняют друг друга, т.е. совпадают, их реализация не представляет собой сложности.

Препятствия к их реализации возникают, когда интересы субъектов отношений противоречат друг другу, когда потребности и побуждения одних

членов сообщества идут вразрез с интересами других его членов, конкурируют друг с другом. В таких случаях мы имеем дело с таким явлением как социальный конфликт, способы разрешения которого могут быть самыми разнообразными. Если участниками данного отношения — носителями противоречивых интересов — являются субъекты, каждый из анализ уголовно-процессуальной науки, мы не будем выделять конкретных этапов в развитии русской уголовно-процессуальной теории царского периода, сосредоточившись на точках зрения конкретных авторов [43, с. 46].

Уголовно-процессуальное принуждение – это разновидность государственного принуждения, которое назначается с целью обеспечения объективного и своевременного расследования уголовного дела.

Право не может существовать без государственного принуждения. Это, в свою очередь, обосновывает тот факт, что и уголовный процесс, как вид правовой деятельности, регламентированный нормами уголовно-процессуального права, также не может достаточно эффективно функционировать без использования принудительных средств. Отсюда можно дать следующее понятие уголовно-процессуального принуждения. Это вид государственного принуждения, представляющий собой метод осуществления государственной власти в сфере уголовного судопроизводства, используемый уполномоченным на то субъектом для охраны уголовно-процессуального права от посягательств на его нормы и обеспечения законных интересов общества и государства.

При этом, как вид государственного принуждения, уголовно-процессуальное принуждение одновременно обладает и общим с ним набором сущностных свойств, и совокупностью специфических, характерных только для этого вида принуждения, особенностей, отличающих его от других видов государственного принуждения в пределах этого родового понятия.

Так же, как и в случае с определением понятия государственного принуждения, перечень его признаков не нашел единообразного толкования в теории права [51, с. 197].

Анализ научной литературы по этому вопросу показал следующее. В целом, если охарактеризовать обобщенную картину, можно констатировать, что ряд признаков государственного принуждения, так или иначе, упоминаются в большинстве изученных нами работ. К их числу относятся следующие: государственное принуждение - это целенаправленная деятельность, т. е. оно всегда имеет цель (при том, что само содержание цели государственного принуждения в той или иной трактовке различается) - Л.И. Лавдаренко, Ф.М. Кудин, В.В. Булатов, З.Ф. Коврига, И.С. Штода, М.А. Латушкин, М.Н. Петренко, С.И. Вершинина; государственное принуждение всегда сопряжено с правоограничениями или лишениями для субъекта, в отношении которого оно применяется - Л.И. Лавдаренко, Ф.М. Кудин, В.В. Булатов, З.Ф. Коврига, М.А. Латушкин; государственное принуждение всегда применяется при наличии определенных оснований - Л.И. Лавдаренко, М.А. Латушкин, М.Н. Петренко, С.И. Вершинина; государственное принуждение регламентируется правовыми нормами (как вариант: осуществляется в форме правоотношений) - Л.И. Лавдаренко, Ф.М. Кудин, В.В. Булатов, М.А. Латушкин, М.Н. Петренко, С.И. Вершинина.

За исключением этих, выделяемых, как правило, к числу признаков государственного принуждения некоторые авторы относят и такие его признаки: физическое, организационное и дисциплинарное воздействие как содержание государственного принуждения; реализация государственного принуждения в виде особых принудительных мер; наличие у государственного принуждения юридического основания; государственное принуждение представляет собой форму правоприменения; государственное принуждение реализуется в рамках охранительного отношения.

В принципе, мы согласны с тем, что в той или иной интерпретации любой из признаков первой группы применим и к характеристике государственного принуждения, в целом, и уголовно-процессуального принуждения, в частности. Что же касается признаков второй группы, то здесь, по нашему мнению, не все так однозначно. Дело в том, что признак это

имманентно присущая, неотъемлемая качественная характеристика того или иного явления, в отсутствие которой данное явление теряет свои качества. Соответственно, никакая другая характеристика, помимо таковой не может рассматриваться как признак (свойство) явления. А характеристики, второй группы, как представляется, как раз и не обладают свойством неотъемлемости [22, с. 167].

Среди качественных характеристик второй группы есть и такие, которые по своей сути идентичны свойствам первой группы, отличаясь от тех лишь формулировкой. В частности, такие свойства как «наличие у государственного принуждения формы правоприменения» или «осуществление государственного принуждения в рамках охранительного правоотношения» являются ничем иным, как вариацией свойства нормативности государственного принуждения (его регламентации правовыми нормами). Как известно, правоприменение - это вид деятельности, основанный на правовых предписаниях. А поэтому, называть государственное принуждение формой правоприменения, то же самое, что признавать за ним свойство нормативности.

Если дать государственному принуждению фактическую характеристику, нельзя не согласиться с тем, что оно является отношением, складывающимся между действительным или потенциальным правонарушителем и государством или тем государственным органом (уполномоченным должностным лицом), которые применяют государственное принуждение. Однако, если в качестве его свойства мы говорим не просто об отношении, а именно об «охранительном отношении», тем самым мы подчеркиваем не фактическую, а правовую природу государственного принуждения, так как любое «охранительное отношение» - это правоотношение, т. е. отношение, регламентированное правом, что также равнозначно свойству нормативности.

Кроме того, как мы уже говорили, в зависимости от цели применения принуждения, оно вполне может реализовываться не только в рамках

охранительного правоотношения. Следовательно, если признать, что наличие такого отношения — это свойство государственного принуждения, в целом, необходимо согласиться и с тем, что принуждение, складывающееся в форме регулятивного отношения, направленного на обеспечение государственных или общественных интересов, такому признаку не соответствует, что также нарушает критерий неотъемлемости свойств государственного принуждения.

Меры уголовно-процессуального принуждения являются разновидностью мер государственного принуждения, которые государство использует в уголовном процессе, путем физического, психологического, материального воздействия, в целях быстрого, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. На сегодняшний день они являются эффективным инструментом в законном разрешении уголовных дел в уголовном процессе.

Мерами уголовно-процессуального принуждения являются установленные уголовно-процессуальным законодательством процессуальные ресурсы государственно-правового обязывания, используемые уполномоченными на то учреждениями (должностными лицами), реализующими производство по уголовному делу, в четко установленном законодательством порядке относительно лиц, какие привлекаются к уголовно-процессуальной работе, в целях устранения и завершения их незаконных действий, поддержания обнаружения и фиксации доказательств для достижения эффективности уголовного производства.

Мерами процессуального обязывания считаются одним из видов государственного обязывания, и обуславливаются некоторыми специфичными свойствами [36, с. 76]:

- они обладают процессуальным характером и регламентируются уголовно–процессуальным законодательством, а потому считаются элементом уголовно–процессуальной формы. Данным свойством они

различаются от иных принудительных мер, которые применяются при производстве относительно уголовных преступлений;

- основания, границы и порядок их использования детально урегулированы законодательством;
- специфической их целью является обеспечение достижения эффективности уголовно-процессуального производства и разрешения задач уголовного судопроизводства;
- принудительное свойство, которое находится в зависимости не от порядка их осуществления, а от самой законодательной модели, которая устанавливает вероятность использования обязывания;
- исключительное свойство состоит в их применении только в тех случаях, когда иными мерами задачи уголовного судопроизводства достигнуть не представляется возможным;
- специфичный субъект использования – процессуальное обязывание считается видом государственного обязывания, а потому субъектом его использования всегда считаются только компетентные государственные учреждения и должностные лица, реализующие уголовное производство.

Использование мер поддержания уголовного производства базируется на нижеследующих положениях:

- использование процессуального обязывания может состояться в физическом, материальном либо моральном (психологическом) влиянии государственного учреждения на субъект уголовного процесса;
- использование мер процессуального обязывания всегда сопряжено с некоторыми ограничениями индивидуальных, имущественных и иных правомочий и свобод участников процесса.

1.2 Меры пресечения как вид мер уголовно-процессуального принуждения: понятие и особенности

Уголовно-процессуальное принуждение, являясь методом воздействия на поведение участников уголовного судопроизводства, может осуществляться с помощью самых разнообразных средств, среди которых особое место занимают специальные средства, именуемые законом мерами уголовно-процессуального принуждения.

УПК РФ впервые все эти меры сосредоточил в едином разделе IV закона, отнеся к их числу три группы процессуальных мероприятий. Среди них, помимо задержания подозреваемого и иных мер процессуального принуждения, традиционно выделяется группа принудительных мер, называемых мерами пресечения.

Сам по себе факт закрепления мер пресечения в отдельной главе мало чем примечателен. Законодатель всегда «по-особому» относился к мерам пресечения. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать УПК РСФСР 1923 и 1960 гг. Если для других мер принуждения этими нормативными актами отводилась не более чем специализированная статья, помещенная в ту или иную главу закона, то меры пресечения законодатель всегда размещал в самостоятельной структурной части кодекса (глава XII УПК РСФСР 1923 г. и глава 6 УПК РСФСР 1960 г.). С одной стороны, такое внимание законодателя к этим мерам можно объяснить объективно более сложным порядком применения мер пресечения в сравнении с другими мерами. С другой стороны, этот усложненный порядок их применения - свидетельство особого характера данных мер, их наибольшего в сравнении с другими процессуальными средствами принудительного потенциала. Так что структурное обособление мер пресечения и в ныне действующем УПК РФ отражает уже сложившуюся правовую традицию [12, с. 140].

В то же время в качестве своеобразного новшества современного закона можно отметить, что он впервые на законодательном уровне отнес меры

пресечения к мерам процессуального принуждения, что, как представляется, должно было поставить перед законодателем задачу закрепления в законе легального определения понятий «мера уголовно-процессуального принуждения» и «мера пресечения». Однако задача эта либо не ставилась вовсе, либо не была решена, хотя для этого, по нашему мнению, имеются все условия.

В многочисленных научных изысканиях последнего времени раскрываются вопросы оснований, условий и порядка избрания мер пресечения, развития самой системы мер пресечения и совершенствования отдельных мер пресечения. Целый ряд нормативных предписаний в рассматриваемой области имеет солидную научную основу и сложившуюся практику правоприменения, что позволяет отнести их к относительно устоявшимся. Обусловлено это и достаточно долгой историей института мер пресечения в России. Еще Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года в отделении третьем и главе шестой предусматривал меры к пресечению способов уклонения обвиняемого от следствия и суда. УПК РСФСР 1923 года также регламентировал применение мер пресечения; ныне существующий в УПК РФ институт мер пресечения без серьезных изменений «перешел» в Кодекс из УПК РСФСР 1960 года. Современный подход к мерам пресечения сформировался в 60-е годы прошлого века, и его фундаментальные основы считаются незыблемыми. Сравнение института мер пресечения, содержащегося в ныне действующем УПК РФ, с положениями УПК РСФСР, показывает определенную стабильность.

В принципе, тезис о том, что меры пресечения относятся к категории мер процессуального принуждения, сомнению не подлежит - их принудительная природа вполне очевидна. В целом в науке нет особых разночтений и относительно признаков мер пресечения - природа этих мер достаточно изучена. По этой причине варианты определения понятия мер пресечения, озвученные в науке уголовного процесса в прошлом и выработанные теорией сегодня, в большинстве своем, во многом схожи или, по крайней мере, не

имеют кардинальных отличий. В основном, те модификации, которые претерпело это определение на протяжении десятилетий, были вызваны развитием законодательства. Теоретическая же их основа остается неизменной: меры пресечения - это специальные меры государственного принуждения, применяемые в ходе производства по уголовному делу к обвиняемому (позднее - еще и к подозреваемому).

Так, еще на рубеже XIX-XX вв., большинство авторов, при определении мер пресечения исходили из того, что это есть средства обеспечения участия обвиняемого в производстве по уголовному делу и его явки в суд. Именно эти два признака мер пресечения - особые цель применения и принуждаемый субъект - встречаются практически в каждом их определении того периода. Некоторые авторы, стараясь подчеркнуть данные признаки, даже называли эти меры «мерами пресечения способов уклонения подсудимого и обвиняемого от суда и следствия».

Понятно, что научная мысль этого периода времени складывалась не на пустом месте. В действовавшем в то время уголовно-процессуальном законе — Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., была предусмотрена глава 6, которая так и называлась «О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия». Ст. 416 этого нормативного акта прямо указывала, что меры, установленные положениями этой главы, применяются для «воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия». Соответственно этому, большинство ученых, определяя меры пресечения, и ориентируясь при этом, в первую очередь, на положения закона, в основу своих представлений относительно их природы постулировали, что это некие принудительные меры, которые препятствуют тому, что обвиняемый скроется от органов, ведущих производство по делу, что прямо следовало из положений закона.

Особняком в ряду исследователей, занимавшихся проблемами определения сущности мер пресечения в начале прошлого века, стоит П.И. Люблинский. В основе концепции, изложенной на страницах его программной работы «Свобода личности в уголовном процессе», лежит

несколько иной подход к пониманию мер, применяемых к обвиняемому. Если большинство авторов, вслед за законом, исходили из того, что эти меры предусмотрены для пресечения противоправного поведения обвиняемого (отсюда и название), то П.И. Люблинский исходил из того, что они носят не пресекающий, а, в первую очередь, обеспечительный характер. По мнению автора, называя эти меры мерами пресечения, законодатель сознательно искал их смысл, что «дает возможность обвинительной власти с большей легкостью достичь и некоторых иных целей, стоящих самостоятельно от основной цели - обеспечения неуклонения» обвиняемого и подсудимого. То есть П.И. Люблинский в своей трактовке мер, применяемых к обвиняемому, прямо сместил целевой акцент - для него это меры, направленные на обеспечение уголовного судопроизводства, а не на пресечение противоправного поведения или достижения каких бы то ни было иных целей. А соответственно, если оснований полагать, что обвиняемый будет уклоняться от органов и лиц, ведущих производство по уголовному делу, нет, то отсутствует и возможность применения каких бы то ни было мер в его отношении. Отсюда и их авторское название - меры обеспечения.

По-особому, как «обеспечение надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого в производстве по уголовному делу», трактует цель применения мер пресечения С.И. Вершинина [13, с. 73].

По мнению некоторых авторов, «меры пресечения можно определить, как процессуальные средства ограничения личной свободы обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого, применяемые для предотвращения возможных процессуальных нарушений с их стороны, а также для обеспечения исполнения приговора» [48, с. 54].

Особенности этой точки зрения видны, что называется невооруженным взглядом. Во-первых, в отличие от традиционного подхода, в основу данного определения положены не цель или субъектный состав отношений по применению меры пресечения, а основания ее применения, что, само по себе, уже необычно. Но это только внешнее отличие. Вторая и самая главная

особенность — сама трактовка этих оснований. По мнению авторов данного определения, меры пресечения носят строго превентивный характер и направлены на предотвращение неких «процессуальных нарушений». К сожалению, они ограничиваются только констатацией данного факта, не поясняя, что это за нарушения, являются ли они разновидностью правонарушений (раз уголовно-процессуальное право — это отрасль права, то процессуальные нарушения вполне могут трактоваться как вид правонарушений) и можно ли, в связи с этим, рассматривать меры пресечения как форму ответственности за такое правонарушение.

Тем не менее, сама по себе точка зрения достаточно оригинальна, хотя и несет в себе некоторые черты концепции уголовно-процессуальной ответственности, разработанной, в первую очередь, А.В. Квык [21, с. 24].

Цель пресечения, осуществляемого при помощи определенных законом мер, видится в охране уголовно-процессуального закона от случившегося или предполагаемого посягательства со стороны подозреваемого или обвиняемого, а также предупреждении преступлений. Само же пресечение, т. е. принудительное воздействие, выражающее в правоограничениях обвиняемого (подозреваемого), препятствующее осуществлению им определенных видов деятельности, как уклонение от органов предварительного расследования и суда, продолжение совершения преступлений и т. д. (ч. 1 ст. 97 УПК РФ), представляет собой не цель, а содержание этой деятельности [49].

Только в такой трактовке цели меры пресечения могут рассматриваться как средства противодействия обвиняемому или подозреваемому, когда от этого лица исходит действительная опасность и его поведение требует корректировки, а не как инструмент, которым располагает орган уголовного преследования для создания максимально комфортных условий его осуществления, минимизации активности со стороны обвиняемого и подозреваемого и т. д.

Специфика мер пресечения проявляется через способы достижения этих целей, исходя из их сущности и степени ограничения прав и свобод обвиняемого (подозреваемого). Мнения большинства авторов, касающиеся применения мер пресечения, сводятся к тому, что в той или иной авторской формулировке предлагаются положения, содержание которых уже нашло отражение в законе (ст. 97 УПК РФ – основания избрания мер пресечения).

На наш взгляд, отграничение мер пресечения от наказания можно провести по следующим критериям:

- по кругу лиц, которым может быть применена мера государственного принуждения. Меры пресечения, как уже отмечалось, применяются к обвиняемому и в исключительных случаях – к подозреваемому. Наказание же может быть назначено только лицу, виновному в совершении преступления (осужденному);
- по целям. Целями применения мер пресечения согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ является предупреждение возможных процессуальных нарушений со стороны обвиняемого (подозреваемого), обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица. В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений;
- по субъектам, которые могут применять меры государственного принуждения. Меры пресечения избираются дознавателем, следователем и судом, тогда как наказание может быть назначено только по приговору суда;
- по стадиям, на которых может быть применена мера государственного принуждения. Меры пресечения могут применяться на разных стадиях уголовного процесса, в то время как наказание назначается только на судебном заседании в результате разбирательства уголовного дела и признания обвиняемого виновным.

Меры пресечения можно классифицировать по субъектам, в отношении которых они применяются. Также делятся на общие, которые применяются ко всем обвиняемым, и специальные, применяемые в отношении специальных субъектов (военнослужащих и несовершеннолетних).

Меры пресечения классифицируются по субъектам, имеющим право назначать конкретную меру пресечения:

- самостоятельно следователем,
- с санкции прокурора
- по постановлению судьи.

На наш взгляд, классификацию мер пресечения следует провести по такому критерию, как установлен ли законом срок применения меры пресечения. К первой группе относятся меры пресечения, в отношении которых не установлен срок их действия - подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, залог. Отсутствие срока действия меры пресечения создает произвол со стороны должностных лиц, позволяет на длительный срок ограничивать права обвиняемых (подозреваемых). Полагаем, что в целях защиты прав и свобод человека и гражданина необходимо на законодательном уровне установить предельный срок применения меры пресечения. Ко второй группе мер пресечения, срок действия которых строго регламентирован в УПК РФ, относятся домашний арест, заключение под стражу. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 107 УПК РФ домашний арест избирается сроком до двух месяцев. При расследовании преступлений срок содержания под стражей не может превышать 2 месяца (ч. 1 ст. 109 УПК РФ). При этом в обоих случаях при невозможности закончить предварительное следствие вовремя, срок действия меры пресечения может быть продлен.

Из выше сказанного следует, в науке разрабатываются различные классификации мер пресечения, которые помогают не только лучше понять особенности отдельных мер пресечения, но и выявить несовершенство

законодательства. Учитывая мнения современных процессуалистов, считаем целесообразным закрепить в статье 5 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации дефиницию «меры пресечения».

1.3 Основания применения мер пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании

Основания применения мер пресечения - это очень востребованная наукой категория, вне зависимости от того, в каком качестве она понимается применительно вопросам применения мер пресечения. Ее в равной степени подробно исследуют и сторонники той позиции, что основания применения - это самостоятельная категория, которую следует рассматривать наряду с условиями применения мер пресечения, и те авторы, которые считают основания одним из таких условий [29, с. 176].

По мнению З.Ф. Ковриги уголовно-процессуальное принуждение применяется как ответная реакция на противоправное поведение, как форма правовой ответственности участника уголовного судопроизводства за нарушение уголовно-процессуального закона [22, с. 9]. Чтобы такое поведение могло стать основанием для применения мер процессуального принуждения и мер пресечения, в том числе, по мнению автора, необходимо, чтобы оно отвечало ряду признаков. Во-первых, закон должен запрещать такое поведение. Во-вторых, само поведение должно выражаться в нарушении участником уголовного судопроизводства своей обязанности, возложенной на него уголовно-процессуальной нормой. В-третьих, «ненадлежащее поведение участника уголовного судопроизводства должно быть связано с расследуемым и рассматриваемым преступлением». И, наконец, в-четвертых, «чтобы стать основанием применения уголовно-процессуального принуждения, ненадлежащее поведение субъекта уголовно-процессуальной обязанности должно выражаться в нарушении процессуальной нормы, но не достигать степени общественной опасности, соответствующей преступлению».

Оригинальность позиции З.Ф. Ковриги несомненна. А учитывая и серьезную теоретическую основу, заложенную автором в обоснование своей позиции, совершенно не вызывает удивления тот факт, что она нашла некоторую поддержку в уголовно-процессуальной науке.

Однако, несмотря на это, данная теоретическая конструкция имеет целый ряд слабых мест, которые не позволяют нам признать ее достаточно точно выражающей суть оснований применения уголовно-процессуального принуждения и мер пресечения.

Пленум Верховного суда РФ прямо указал на возможность применения меры пресечения как превентивного мероприятия, при том, что нигде в приведенной цитате он не дал возможности усомниться в том, что решение о ее применении может быть принято безосновательно. Не укладывается в концепцию правонарушения — основания применения меры пресечения и упоминание в законе того, что данная мера может быть применена для предотвращения занятия обвиняемого (подозреваемого) преступной деятельностью. Если, вслед за З.Ф. Ковригой, согласиться с тем, что мера пресечения должна рассматриваться исключительно как реакция на совершенное правонарушение, напрашивается очевидный вывод - в указанном случае она может быть применена только после того, как обвиняемый нарушит обязанность воздержаться от продолжения занятия этой деятельностью, т. е. после того, как он совершит преступление.

Превентивный характер мер пресечения позволяет нам сформулировать важнейшую черту оснований их применения - для принятия соответствующего процессуального решения необходимо, чтобы следователь, дознаватель или суд располагали данными, указывающими на возможность противоправного поведения обвиняемого или подозреваемого, достаточную степень вероятности такого поведения. Изложенное позволяет с определенной долей уверенности говорить о том, что законодательная формулировка оснований применения мер пресечения в своей теоретической основе более удачна, нежели чем приведенная «альтернативная» позиция, хотя и она не

избежала существенных, на наш взгляд, изъянов, а поэтому нуждается в коррекции.

Значительный интерес представляет вопрос о том, в какой форме те или иные данные могут использоваться при обосновании решения о применении меры пресечения. Как известно, в контексте уголовно-процессуальной деятельности, сведения могут предстать либо в виде (форме) доказательств, либо в виде иных данных, к форме которых закон не предъявляет таких строгих как к доказательствам требований. Другое дело, что степень значимости этих видов информации для уголовно-процессуальной деятельности различна. Если доказательства, т.е. сведения, собранные, проверенные и оцененные в соответствии с требованиями, предусмотренными УПК РФ, могут быть положены в основу любого процессуального решения, то применение недоказательственной информации имеет четко установленные уголовно-процессуальным законом границы.

В теории уголовного процесса по поводу формальной характеристики данных, используемых в качестве оснований применения мер пресечения, сложилось мнение, что ими могут быть исключительно доказательства. Это мнение получило распространение не сейчас, оно было отражено в ряде научных работ еще советского периода. Имеются его сторонники в настоящее время [10, с. 122].

Для применения мер пресечения необходимо строгое соблюдение уголовно-процессуального законодательства, а именно норм о наличии определенных оснований и условий для избрания и применения мер пресечения. Под основанием избрания мер пресечения принято понимать предположение о реальной возможности нарушения норм процессуального права обвиняемым (подозреваемым), основанное на совокупности доказательств. Данные предположения носят вероятностный, прогностический характер, поскольку подразумевают возможность процессуального нарушения в будущем. Указанное обстоятельство вызывает дискуссии среди ученых, а также среди практиков, поскольку применение мер

пресечения существенно ограничивает права и в некоторых случаях свободу обвиняемого, который в соответствии с Конституцией РФ считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

В ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ урегулированы единые основания в целях выбора мер пресечения, какие обязаны приниматься во внимание при установлении вида мер пресечения относительно подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления. Из значения данной нормы следует, что основаниями в целях использования мер пресечения считаются последующие обстоятельства:

- обоснованность материалами уголовного дела факта совершения преступления;
- определение лица, относительно которого в установленной законодательством форме вынесено постановление о привлечении как обвиняемого;
- наличие в уголовном деле весомых доказательств, которые позволяют считать, что обвиняемый, какой находится на свободе совершит одно из действий, установленных ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ;
- при наличии в деле весомых доказательств, которые позволяют считать, что использование мер пресечения является справедливо необходимым в целях поддержания исполнения приговора;
- обвиняемый может продолжать заниматься преступной деятельностью (информация о наличии неснятой и непогашенной судимости, обвинение в совершении ряда преступлений либо в совершении преступления группой лиц, захват его при совершении преступления). Формулировка данного основания находится в противоречии с презумпцией невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса), в соответствии с какой

обвиняемый подразумевается невиновным даже в минувших преступлениях, тем более в грядущих;

- обвиняемый может помешать производству относительно дела посредством угроз участникам процесса, устранения следов преступления. Такие действия обвиняемого могут являться даже преступлениями, установленными ст. ст. 294, 295, 296, 304, 291, 309 Уголовного кодекса РФ, и повлечь дополнительное уголовное преследование. Действительная грядущая вероятность обвиняемого помешать производству относительно дела может быть определена посредством информации о служебной либо личной зависимости свидетеля, либо потерпевшего от обвиняемого, его высоком должностном статусе.

В практической работе учреждения предварительного расследования обычно не обладают в собственном распоряжении доказательства, которые подтверждают данные в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ основания. В значительной части случаев следователю приходится аргументировать собственное решение относительно применения мер пресечения на информации, которые только косвенным образом указывают на намерения обвиняемого (подозреваемого). Принимая во внимание, к примеру, что вопрос относительно мер пресечения в виде заключения под стражу⁶⁰ обязан быть разрешен не позже часов с момента задержания, приобретение какой-либо конкретной информации в рамках данного срока предоставляет существенную сложность. Данное и порождает формальный аспект правоприменителей к определенным законодательством условиям.

Совершенно по-другому выглядит дело, если обвиняемый, подозреваемый уже прятался от правоохранительных учреждений, не обладает постоянным местом жительства и в соответствии с этим может спрятаться от следствия и судебного органа, он либо его родственники пытаются, либо уже проявляют воздействие на потерпевших и свидетелей, добиваясь перемены показаний в необходимую для себя сторону, или имеются

сведения относительно намерения обвиняемого, подозреваемого совершить новое преступление. В таких случаях не является сложным аргументировать надобность выбора такой меры пресечения, как заключение под стражу.

Использование конкретной меры пресечения обязано быть охарактеризовано, с одной стороны, наличием в уголовном деле единых оснований, и с иной стороны – особых оснований. Об этом говорит ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса РФ, что при разрешении вопроса относительно надобности выбора мер пресечения относительно подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления и установления вида пресечения при наличии оснований, которые предусмотрены ст. 97 указанного кодекса, обязаны предусматриваться кроме того тяжесть преступления, информация о личности подозреваемого либо обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейный статус, род занятий и иные обстоятельства. В доктрине и практической деятельности уголовного судопроизводства данные обстоятельства называются условиями использования мер пресечения. Эта точка зрения находит подтверждение в законодательстве. В ч. 1 ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса непосредственно указано на то, что основания для выбора мер пресечения установлены ст.ст. 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса.

Основанием использования мер пресечения считается аргументированное предположение о вероятном процессуальном несоблюдении со стороны обвиняемого.

Применение мер пресечения носит индивидуальный характер, который зависит во многом от личности обвиняемого (подозреваемого). На выбор мер пресечения влияют возраст, состояние здоровья, тяжесть совершенного лицом деяния.

В основание постановления о применении мер пресечения, избираемых по судебному решению, могут быть положены исключительно те сведения, которые исследовались судом, были собраны, проверены и оценены им по правилам, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к судебному

заседанию, т. е. доказательства. Судебное исследование тех или иных сведений объективно носит характер доказательственной деятельности, так как порядок его производства определен УПК РФ, а поэтому любая информация, исследованная в судебном заседании, автоматически приобретает доказательственное значение.

Таким образом, порядок избрания, изменения и отмены меры пресечения детально урегулирован Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Избрание меры пресечения допускается лишь в случае наличия оснований, подтвержденных определенными доказательствами. Дознавателю, следователю, суду необходимо учитывать все обстоятельства, которые могут повлиять на принятие правильного решения. Гарантией от необоснованного избрания и применения меры пресечения является возможность обжаловать соответствующее решение в вышестоящий орган или должностному лицу.

Глава 2 Характеристика отдельных мер пресечения

2.1 Подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство

Сегодня права и свободы человека признаются высшей ценностью государства, которое гарантирует их охрану и защиту. Ограничение прав, а также личной свободы и неприкосновенности личности, может быть реализовано только в исключительных случаях. Уголовное судопроизводство изначально связано с возникновением уголовно-процессуальных отношений, в которых права и свободы одних граждан нарушаются действиями (бездействием) со стороны других. При этом такого рода нарушения квалифицируются уголовным законом как преступления. В связи с этим, именно в рамках уголовного судопроизводства в максимальной степени допускается ограничение прав и свобод граждан. Можно заметить, что в законе меры пресечения расположены в определенном порядке от наименее к наиболее строгой. Исходя из этого сегодня менее строгой мерой пресечения является подписка о невыезде и надлежащем поведении, правовому исследованию которой, к сожалению, не всегда уделяется должное внимание в научных кругах [44, с. 65].

Тем не менее именно данная мера пресечения является наиболее применяемой на практике и встречается практически в каждом втором уголовном деле. Правовая регламентация подписки о невыезде и надлежащем поведении осуществляется в рамках статьи 102 УПК РФ, согласно положениям которой она представляет собой письменное обязательство лица по выполнению определенных законом следующих процессуальных действий: запрет на изменение места жительства (как постоянного, так и временного) без предварительно полученного разрешения; явка в назначенный дознавателем, следователем или судом срок; исключение каких-либо действий

(бездействий), препятствующих производству расследования по уголовному делу.

Исходя из содержания статьи 102 УПК РФ специфическим условием применения подписки о невыезде и надлежащем поведении является наличие постоянного или временного места жительства для подозреваемого, обвиняемого. Согласно закону РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» местом жительства лица может быть признан только жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством РФ, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. Как видим из содержания закона место жительства лица должно быть подтверждено наличием постоянной или временной регистрации. В случае возникновения сомнений орган предварительного расследования может провести мероприятия по установлению действительности проживания подозреваемого (обвиняемого) по указанному им адресу [45, с. 9].

Анализ изучения правоприменительной практики показал, что данное обязательство толкуется несколько шире: орган предварительного расследования запрещает лицу не только изменять место жительства на период производства по уголовному делу, но также и осуществлять выезд за пределы населенного пункта. Вторым специфическим условием применения к лицу подписки о невыезде и надлежащем поведении является его добровольная явка по каждому вызову дознавателя, следователя или суда. Однако, правоприменитель также подходит к более широкому толкованию данной нормы.

По верному замечанию О.И. Цоколовой, противоречит закону сложившиеся в регионах практика, когда подозреваемого, обвиняемого обязывают периодически отмечаться у органов предварительного расследования или суда [55, с. 8]. Соглашаясь с мнением ученого, следует отметить, что такого рода отметки никак не регламентированы уголовно-процессуальным законом и применяются органами предварительного расследования по аналогии с отметками в рамках условно-досрочного освобождения лица. Однако, не стоит забывать о главном принципе уголовного судопроизводства - «презумпции невиновности» - нельзя воспринимать лицо, подозреваемое, обвиняемое на стадии предварительного расследования как виновное в вменяемом ему уголовно-наказуемом деянии. На наш взгляд, каждый вызов подозреваемого, обвиняемого в органы предварительного расследования в целях максимального обеспечения их прав в рамках уголовного судопроизводства должны быть связаны только с необходимостью их присутствия и участия в следственных и иных процессуальных действиях, а не с личным желанием должностных лиц органов предварительного расследования.

Третьим условием применения в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении является обещание, данное подозреваемым, обвиняемым об исключении с его стороны каких-либо действий (бездействий), препятствующих производству расследования по уголовному делу. На наш взгляд, данное обязательство является одним из главных, поскольку зачастую правонарушители, оказываясь на свободе, пытаются каким-либо образом повлиять на производство предварительного расследования в свою пользу путем уничтожения доказательств, запугивания потерпевшего, подкупа свидетелей и т.д. В связи с этим, в обязательстве должны быть четко и конкретно прописаны действия, которые обязуется не совершать лицо и именно за совершение которых ему может быть назначена более строгая мера пресечения [20, с. 530].

Таким образом, «подписка о невыезде и надлежащем поведении представляет собой меру принудительно-психологического характера, которая заключается в добровольном выполнении определенных обязательств подозреваемым (обвиняемым), возложенных органами предварительного расследования или судом. Применение данной меры пресечения возможно только с согласия подозреваемого или обвиняемого. Так, Конституционный Суд РФ по данному вопросу пояснил: по смыслу статьи 102 УПК РФ, а также статей 97 и 99 УПК РФ, отказ подозреваемого, обвиняемого дать подписку о невыезде и надлежащем поведении - как свидетельствующий о том, что в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты ее цели, может повлечь избрание другой, в том числе более строгой, меры пресечения» [32].

Ю.Б. Плоткин чуть меньше века назад в своих трудах отметил: «при решении вопроса о применении меры пресечения следователем, дознавателем, судом максимальное значение должно отдаваться принципу целесообразности - к подозреваемому, обвиняемому следует избирать только ту меру, которая по обстоятельствам каждого конкретного случая является действительно необходимой» [37, с. 192]. При этом, не стоит забывать о презумпции невиновности и при решении вопроса об избрании меры пресечения не воспринимать подозреваемого (обвиняемого) как виновного в совершении инкриминируемого уголовно-наказуемого деяния.

Личное поручительство является одной из демократических мер пресечения. Большая роль отводится поручителю, который обеспечивает надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого). Но на практике данная мера пресечения не находит своего должного применения. Скорее всего, это связано с нежеланием поручителя брать на себя дополнительную ответственность.

Личное поручительство, которое возможно избрать, в т. ч. в отношении несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства (подозреваемого и обвиняемого), регламентировано в ст. 103 УПК РФ, как

письменное обязательство заслуживающего доверия физического лица о том, что оно ручается за выполнение лицом, совершившим деяние, определенных обязательств (п. п. 2, 3 ст.102 УПК РФ).

Цель избрания и применения данной меры пресечения, которая не имеет связи с изоляцией от общества, заключается в обеспечении правомерного поведения подозреваемого (обвиняемого). Отражая сущность данного правового явления, необходимо также отметить: как и на прежних исторических этапах развития феномена поручительства, на современном этапе рассматриваемая мера пресечения заключается в добровольном предоставлении определенного положительного воздействия со стороны поручителя (иных третьих лиц (лица)) на подозреваемого (обвиняемого) предусмотренными законом уголовно-процессуальными методами без воздействия на личную свободу человека [39, с. 81].

Преимущество применения личного поручительства к несовершеннолетнему состоит, соответственно, в том, что лицо не ограничивается в социальных контактах, продолжает учебу, работу, занятия спортом, не утрачивается положительное влияние семьи, передача семейных духовных, нравственных и моральных ценностей, не ограничиваются иные положительные контакты. Кроме того, поручительство - более мягкая мера, чем подписка о невыезде несмотря на то, что именно по порядку расположения в ст. 98 УПК РФ стоит на первом месте.

«Подписка о невыезде ограничивает конституционное право на свободу передвижения и выбор места жительства, места пребывания. Поручительство названных прав не ограничивает» [26, с. 34].

2.2 Наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым

Согласно ст. 104 УПК РФ наблюдение командования воинской части представляет собой меру пресечения, сущность которой состоит в принятии мер, предусмотренных уставами Вооружённых Сил РФ [20, с. 18], к обвиняемому (подозреваемому), который является военнослужащим или гражданином, проходящим военные сборы, в целях обеспечения его явки по вызовам дознавателя, следователя и в суд и предотвращения с его стороны препятствования производству по уголовному делу.

«Норма УПК РФ, в которой закреплено данное определение, носит бланкетный характер, что влечёт за собой необходимость обращаться к иным нормативным правовым актам, чтобы установить содержание ограничений, накладываемых мерой пресечения в виде наблюдения командования воинской части. Но прежде, чем рассматривать этот вопрос, следует установить круг субъектов, к которым применяется эта мера, и круг субъектов, осуществляющих наблюдение за обвиняемым/подозреваемым» [19, с. 43].

В первую очередь стоит уточнить круг лиц, к которым может быть применена данная мера пресечения. Эффективным её применение будет только в том случае, если обвиняемый/подозреваемый постоянно, неотлучно находится в воинской части, то есть на казарменном положении. В таких условиях проживают граждане, проходящие военные сборы, и военнослужащие, проходящие военную службу по призыву. Что же касается военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, то некоторые из них пребывают в части только в рабочее время. Это обстоятельство затрудняет фактическую реализацию наблюдения, поэтому оно к ним не может быть применимо, хотя прямого запрета на это закон не содержит.

Что касается субъектов, наблюдающих за обвиняемым/подозреваемым, то в названии меры так же, как и в тексте нормы, говорится о командовании воинской части. С.И. Глизнуца отмечает размытость данного понятия и

невозможность определить конкретное должностное лицо, которое имел в виду законодатель [16, с. 1875]. «Осуществление действий, направленных на достижение целей применения меры пресечения, лично командиром части видится маловероятным и неэффективным. Результативным будет поручить наблюдение непосредственному начальнику военнослужащего или гражданина, проходящего военные сборы, коими могут являться, например, командир отделения или командир взвода. Такое поручение должно быть оформлено в виде письменного приказа, который является основным распорядительным служебным документом военного управления и может быть издан только командиром воинской части на правах единоначалия. Формулировка «командование воинской части» не препятствует реализации данной меры пресечения предложенным способом, так как законодательно не определено, какие именно начальники относятся к командованию, что позволяет возложить обязанности на любого командира, независимо от уровня. Данный факт позволяет в каждом конкретном случае определить лиц, которые наиболее полно смогут обеспечить должный контроль» [34, с. 87].

И всё же главным вопросом остаётся вопрос о том, каким образом реализуется наблюдение командования. В ч. 1 ст. 104 УПК РФ даётся отсылка к уставам Вооружённых Сил РФ, состоящим из Устава внутренней службы ВС РФ, Дисциплинарного устава ВС РФ, Устава гарнизонной и караульной службы ВС РФ, Строевого устава ВС РФ, в которых должны быть предусмотрены меры воздействия на обвиняемого/подозреваемого. Применение этих мер должно обеспечивать надлежащее поведение лица, то есть гарантировать его явку по вызовам в органы расследования и в суд, а также не давать возможности обвиняемому/подозреваемому каким-либо образом воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Однако уставы не содержат положений, регламентирующих порядок осуществления наблюдения командования воинской части. Авторы учебников по уголовному процессу говорят о ряде ограничений, которые могут быть наложены на обвиняемого / подозреваемого [52, с. 29]. Ими упоминаются, в

частности, такие ограничения, как лишение права ношения оружия, постоянное пребывание под наблюдением своих начальников или суточного наряда, запреты на направление на работу вне части в одиночном порядке, на назначение в караул и в другие наряды, на увольнение из части и на отпуск.

Эти ограничения сформулированы, исходя из содержания деятельности, осуществляемой военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, а также из предоставленных им прав. Нормативно их перечень нигде не закреплён несмотря на то, что ч. 1 ст. 104 УПК РФ предполагает его существование. В целях эффективного применения меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части считаем необходимым определить, какое именно должностное лицо должно осуществлять контроль за обвиняемым (подозреваемым), поскольку термин «командование воинской части» не позволяет это с точностью определить.

Таким образом, «наблюдение командования воинской части применяется к специальному субъекту — военнослужащему или гражданину, проходящему военные сборы, находящемся на казарменном положении. Обязанности по наблюдению могут быть возложены на любого из прямых начальников в зависимости от существующей обстановки. Нерешённым остаётся вопрос о мерах, которые должны применяться к обвиняемому/подозреваемому: их перечень не конкретизирован ни в одном из нормативно-правовых актов. Установление такого перечня ограничительных мер будет способствовать эффективному применению меры пресечения и достижению целей, для которых она избирается» [30, с. 19].

Говоря о расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, необходимо отметить наличие определенной специфики, обусловленной повышенным вниманием к данной категории уголовных дел, как со стороны государства, так и со стороны международного сообщества. В частности, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, предусматривают специфическую направленность системы правосудия,

которая выражается в первоочередном обеспечении благополучия несовершеннолетнего лица, а также соизмеримости мер воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних правонарушителей, с особенностями личности таких правонарушителей и обстоятельствами совершенного ими правонарушения.

Национальное законодательство также устанавливает особенности правового воздействия на подозреваемых или обвиняемых, не достигших совершеннолетнего возраста. Так, согласно ч. 2 ст. 423 УПК РФ, при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр. При этом сразу следует отметить, что содержание указанной нормы предполагает процедуру обсуждения, проводимую в рамках судебного заседания при решении вопроса об избрании в отношении несовершеннолетнего иной меры пресечения. Данное положение позволяет исключить необоснованное применение в отношении рассматриваемой категории лиц более строгих мер пресечения, что, безусловно, также направлено на обеспечение благополучия несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых).

Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (далее – присмотр) – предусмотренная уголовно-процессуальным законом специальная мера пресечения, которая избирается в отношении субъектов преступлений, подлежащих на момент совершения преступления уголовной ответственности, но не достигших совершеннолетия. Специфика данной меры пресечения заключается в обеспечении надлежащего поведения несовершеннолетнего особой категорией лиц, круг которых закреплен в ч. 1 ст. 105 УПК РФ и может быть обозначен как «заслуживающие доверия лица». Под надлежащим поведением, в свою очередь, понимается соблюдение несовершеннолетним лицом, в отношении которого избрана мера пресечения, ряда требований, предусмотренных статьей 102 УПК РФ, об обеспечении которых заслуживающее доверия лицо даёт письменное обязательство.

Преступность несовершеннолетних, к сожалению, остается актуальной проблемой российского общества. Так, согласно статистике Генеральной прокуратуры, ежегодно несовершеннолетними или при их участии совершается более 40 тысяч преступлений. Помимо этого, о неблагоприятной ситуации с преступностью несовершеннолетних высказался и Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, который на расширенном заседании коллегии ведомства отметил, что число совершенных несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений в 2019 году выросло на 4%, составив 10 тысяч эпизодов» [59]. При этом анализ судебной практики и научных работ в данной сфере позволяет заключить, что присмотр за несовершеннолетним при производстве по уголовным делам избирается крайне редко: следователи и суды отдают предпочтение преимущественно таким мерам пресечения, как подписка о невыезде или заключение под стражу, в ряде случаев в отношении несовершеннолетних избирается домашний арест или запрет определенных действий.

По нашему мнению, низкое практическое применение меры пресечения в виде присмотра обусловлено процессуальной непроработанностью порядка ее избрания, которая выражается в наличии правовых пробелов и процессуальных проблем. Во-первых, следует отметить не столь существенный, однако весьма противоречивый вопрос, касающийся формулировки ч. 1 ст. 105 УПК РФ, регламентирующей круг заслуживающих доверия лиц. Рассматриваемая мера пресечения предусматривает возможность рассмотрения опекунов в качестве лиц, заслуживающих доверие, что по своей правовой природе, исходя из положений федерального законодательства РФ, носит весьма противоречивый характер.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» под опекой следует понимать форму устройства малолетних граждан, то есть лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста [50]. По общему правилу, уголовная ответственность в Российской Федерации в соответствии с УК РФ наступает с 16 лет, а в исключительных случаях,

предусмотренных закрытым перечнем ч. 2 ст. 20 УК РФ, с 14 лет, что соответственно исключает возможность существования в уголовном процессе малолетних граждан в качестве подозреваемых (обвиняемых).

Из вышеизложенного следует, что между ст. 105 УПК РФ и иными ФЗ, в частности с ФЗ «Об опеке и попечительстве» имеется коллизия. По нашему мнению, наличие в уголовно-процессуальном законе такой правовой категории, как «опекун», в рамках возможности его рассмотрения как одного из заслуживающих доверия лиц при избрании меры пресечения в виде присмотра, представляется неправильным, и подлежит устранению. Также актуальной проблемой рассматриваемой меры пресечения, на наш взгляд, является смещение акцента с несовершеннолетнего лица, в отношении которого избирается присмотр, на заслуживающее доверия лицо, которое обязуется следить за надлежащим поведением несовершеннолетнего. Ведь, как отмечает К.А. Трифонова, «именно эти лица, а не несовершеннолетние подозреваемые (обвиняемые) дают письменное обязательство об обеспечении надлежащего поведения» [47, с. 5]. Таким образом, ст. 105 УПК РФ прямо возлагает обеспечительные обязательства на заслуживающее доверия лицо, предусматривая ответственность за ненадлежащее их исполнение, но при этом лишь косвенно раскрывает обязанности несовершеннолетнего, к которому применяется мера пресечения, отсылая к положению статьи УПК РФ. Подобная ситуация является весьма нелогичной и заранее предопределяет неэффективность воспитательного воздействия меры пресечения на несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, учитывая, что по смыслу нормы закона основные обязанности возлагаются фактически не на него, а на иное лицо, которое к тому же несет уголовно-процессуальную ответственность за их невыполнение или ненадлежащее выполнение.

С учетом анализа трудов ряда ученых-процессуалистов, мы приходим к выводу о том, что в целях повышения эффективности реализации рассматриваемой меры пресечения, а также ее воспитательного и предупредительного воздействия необходимо в статью 105 УПК РФ внести

положение, закрепляющее необходимость разъяснения следователем несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому обязанности соблюдать все условия применяемой к нему меры пресечения, а в статье 423 УПК РФ также предусмотреть возможность назначения несовершеннолетнему лицу судом одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, как то: выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения; находиться в определенных местах и пр. Аналогичное сочетание мер пресечения можно встретить и при анализе норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок избрания домашнего ареста, а также залога.

В настоящее время статьей 105 УПК РФ в качестве элемента процессуального порядка избрания присмотра предусмотрена дача письменного обязательства лица, на которое возлагается обеспечение надлежащего поведения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). При этом необходимость получения согласия от такого заслуживающего доверия лица о реализации избранной меры пресечения законодателем была намеренно упущена. В практической деятельности следователи в соответствии со ст. 421 УПК РФ наряду с обстоятельствами, закрепленными в ст. 73 УПК РФ, устанавливают условия жизни и воспитания несовершеннолетних, а также влияние на них старших по возрасту лиц. При определении заслуживающего доверия лица, следователь учитывает лишь характеризующие сведения лиц, кандидатуры которых им рассматриваются, и зачастую пренебрегает получением согласия такого лица на принятие обязанностей по осуществлению присмотра. Причина такого поведения заключается в том, что некоторые сотрудники следственных органов выполняют лишь процессуальные требования закона, не задумываясь о последствиях, вызванных пренебрежением криминалистическими, криминологическими и психологическими аспектами при принятии конкретных решений, в частности, решения об избрании меры пресечения в виде присмотра.

По нашему мнению, отсутствие в уголовно-процессуальном законе положения, предусматривающего необходимость получения согласия от заслуживающего доверия лица при избрании рассматриваемой меры пресечения, порождает неэффективность в ее реализации при производстве по уголовному делу. При этом исключение составляет такая категория заслуживающих доверия лиц, как должностные лица специализированного детского учреждения, учитывая, что надзор за несовершеннолетними подопечными входит в их прямые должностные обязанности.

Кроме того, на наш взгляд, присмотр при отсутствии согласия заслуживающего доверия теряет свою целесообразность, поскольку влечет недобросовестное отношение такого лица к обеспечению соблюдения устанавливаемых для несовершеннолетнего требований по надлежащему поведению. Более того, пренебрежительное отношение к важности применяемой меры пресечения может стать причиной совершения несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) более тяжких преступлений.

Таким образом, для приведения следственной практики к единообразию, мы считаем необходимым ввести в ст. 105 УПК РФ положение, предусматривающее обязательное получение письменного согласия от заслуживающих доверия лиц. Это позволит устранить возможность их психологического принуждения к даче письменного обязательства, а также повысит степень должного выполнения указанными лицами мер по обеспечению соблюдения несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) требований уголовно-процессуального закона. При этом некоторые авторы, например, М.А. Коновалова [27, с. 170], С.В. Бурмагин [9, с. 60], Л.А. Пупышева [38, с. 259], А.Б. Судницын [43, с. 46] считают целесообразным предусмотреть в законе необходимость получения согласия и несовершеннолетнего лица на применение в отношении него присмотра, однако, на наш взгляд, данное замечание является чересчур резким. Безусловно, нами разделяется позиция о необходимости учета следователем

мнения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) при избрании указанной меры пресечения, однако такое мнение не должно нивелировать решение следователя.

Статьи УПК РФ, регламентирующие порядок избрания меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, требуют реформирования. Во-первых, во избежание коллизии норм права законодателю целесообразно исключить из диспозиции ч. 1 ст. 105 УПК РФ дефиницию «опекуны». Во-вторых, следует закрепить в ст. 105 УПК РФ положение, предусматривающее необходимость разъяснения следователем несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому обязанности соблюдать все условия применяемой к нему меры пресечения, а также дополнить ст. 423 УПК РФ нормой, предусматривающей возможность установления несовершеннолетнему лицу судом дополнительных запретов. В-третьих, законодательно закрепить необходимость истребования согласия от заслуживающих доверия лиц и в связи с этим дополнить ч. 1 ст. 105 УПК РФ следующей выдержкой «... заслуживающими доверия лицами, при получении их письменного согласия, а также должностными лицами...». Считаем, что указанные изменения и нововведения повысят эффективность рассматриваемой в исследовании меры пресечения и станут стимулом для последующего совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

2.3 Залог, домашний арест

Залог, как вид мер пресечения, в отличие от других имеет ряд преимуществ как для лиц, в отношении которых оно применяется, так и для государства в целом. При назначении судом залога подозреваемый, обвиняемый не переживают ситуаций психотравмирующего характера: они имеют возможность оставаться в привычной для них среде. Это оказывает на лицо положительное влияние, что рассматривается как один из несомненных

плюсов данной меры. Кроме того, возможность претерпеть потери имущественного характера, практическая невозможности свободно распоряжаться материальными благами, обращенными в залог, является стимулом для дальнейшего надлежащего поведения личности. Иными словами, лицо действительно имеет возможность лишиться этого имущества в случае несоблюдения установленных обязательств. Так, в случае нарушения установленных законом ограничений, мера пресечения будет изменена, а внесенный залог будет обращен в доход государства. Также следует отметить значение залога для государства. Данная мера пресечения является очевидным источником пополнения федерального бюджета.

Несмотря на постоянное совершенствование данного правового института на законодательном уровне, улучшение, усовершенствование его юридической техники, очевидные положительные моменты для сторон и для государства, на практике указанная мера не имеет достаточного распространения. На сегодняшний день доминирующим является применение таких мер, как подписка о невыезде и заключение под стражу. Доля залога же в общей массе избираемых мер пресечения очевидно мала: за последние десять лет она составила лишь 0,01-1% в то время, как количество подписок о невыезде составляет 85-87%, а заключения под стражу порядка 12-14%. Представленная статистика свидетельствуют об обвинительном уклоне деятельности по установлению мер пресечения, что является предметом постоянной критики со стороны Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и правозащитников [6, с. 36]. В данном случае, ключевую роль играет не государственная политика в уголовно-правовой сфере, а частное предпочтение правоприменителя. Так, органы исполнительной, законодательной власти призывали и призывают «гуманизировать» процесс назначения ограничительных мер; они дают негативную оценку повышенной степени репрессивности применяемых мер пресечения. Что касается непосредственно органов предварительного следствия, судебных органов, то установление ими более жестких мер связано с несколькими факторами: во-

первых, применение более суровых мер, по их мнению, служит необходимым средством для пресечения и предупреждения новых преступных посягательств; во-вторых, они являются предпосылкой для эффективного осуществления исправительной функции; в-третьих, практика применения указанных видов мер имеет меньше коллизионных, спорных моментов, нежели при назначении залога. В данном случае, ограниченное применение залога в процессе установления истины имеет определенные теоретические и практические основания. В первую очередь, наиболее распространённым является вопрос относительно размера, возложенного на лицо материальной ответственности.

Остается дискуссионным вопрос о сущности залога в уголовном судопроизводстве. Мнения специалистов формируются вокруг двух основных полярных концепций залога в сложившейся в российском уголовном процессе системе мер пресечения. Сообразно первой концепции, которую весьма убедительно обосновала С.И. Вершинина, залог является мерой, производной от заключения под стражу, и которую, соответственно, следует рассматривать как исключительно альтернативную меру пресечения, применяемую в отношении лиц, уже подвергнутых аресту [14, с. 78]. Исходя из такого понимания сущности залога, основанием для его применения должны быть, во-первых, наличие обстоятельств (условий), требуемых для применения ареста, во-вторых, положительные личностные характеристики, позволяющие отпустить лицо из-под стражи под залог. Справедливости ради, следует отметить, что складывающаяся практика применения залога в России соответствует именно такому пониманию его сущности. Залог применяется, как правило, методом отсечения возможности применения заключения под стражу или домашнего ареста, когда не остается ничего другого, кроме как применить залог. Ю.В. Царева, анализируя правоприменительную практику, отмечает: «решения, об избрании залогов принимаются судом преимущественно на основании ходатайства, поступившего от участников со стороны защиты ... в качестве альтернативы заключению под стражу или

домашнему аресту, т. е. вопреки позиции следователя (дознавателя)» [54, с. 164]. Аналогичные формулировки были получены в ходе проведенного нами опроса следователей Следственного Комитета Российской Федерации по Ростовской области. Нам близка вторая концепция, в соответствии с которой залог предлагается оценивать в качестве автономной и самостоятельной меры пресечения, независимой от избрания или не избрания ареста. Такая позиция видится нам перспективной в свете новой политики по применению процессуальных мер принуждения, основанной на активном использовании экономических стимулов для повышения эффективности механизма реализации уголовной ответственности и восстановления прав, нарушенных преступлением. Курс на воплощение указанных идей в уголовной политике государства был задан Д. Медведевым еще в 2010 году и уже существенно затронул уголовное и уголовно-исполнительное законодательство (декриминализация ряда составов преступлений, более широкое применение наказаний, не связанных с лишением свободы, реформирование законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за «экономические» преступления и др.).

«Уголовно-процессуальное законодательство, являясь, по сути, проводником реализации норм об уголовной ответственности, не может остаться в стороне от происходящих процессов. Российская Федерация сегодня является государством буржуазного типа, основывается на частной собственности, и имущественные интересы составляют суть общественных отношений» [53, с. 59].

В соответствии со статьей 106 УПК РФ размер залога определяются судом с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого либо обвиняемого и имущественного положения залогодателя. При этом законодатель устанавливает пределы причитающихся сумм в зависимости от категории совершенного деяния: по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо

тяжких преступлениях - менее пятисот тысяч рублей. Несмотря на указанные границы применяемой ограничительной меры, ее сумма, исходя из принципа соразмерности, должна быть пропорциональна характеру совершенного деяния. По данному вопросу интересной представляется позиция А.А. Дорошевой, которая считает целесообразным отменить залог в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, в связи с их повышенной общественной опасностью (кроме противоправных деяний в сфере экономики) [17, с. 142].

Несомненно, можно согласиться с мнением автора, но в таком случае количество случаев избрания залога в качестве меры пресечения значительно снизится, что отрицательно скажется на статистике применения «гуманных» ограничительных средств. Среди практиков также возникают споры в связи с установлением законодательством минимальных размеров залога для имеющихся категорий. Как правило, из-за достаточно высокого размера причитающейся суммы, залог вносится лицами, имеющими соответствующий уровень дохода, а лица, чья заработная плата значительно ниже, ходатайствовать о применении в отношении них залога не могут.

В судебной практике имеют место как предельно высокие размеры залога, так и необоснованно заниженные. Например, в отношении П., обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, судья вынес постановление об избрании ему меры пресечения в виде залога в размере, в 10 раз превышающем сумму, о которой просил П. [3] В другом случае по жалобе адвоката сумма залога с 10 млн руб. была снижена до 600 тыс. руб. [4], по другому делу залог был снижен с 225 тыс. руб. до 100 тыс. руб. [5] Приведенные примеры говорят об отсутствии единообразной судебной практики, подрывают авторитет судейства, государства в целом, поскольку люди не верят правосудию и считают судей коррумпированными людьми. А обусловлено это тем, что при назначении залога судья наделяется весьма широкой «усмотрительностью». Законодатель закрепил низший предел залога, который по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести не

может быть менее пятидесяти тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее пятисот тысяч рублей. Вместе с тем установленный низший размер не учитывает реальные доходы населения в зависимости от региона. Безусловно, средние доходы жителей Москвы будут существенным образом выше доходов жителей других регионов. Ученые полагают, что «минимальные» пределы залоговых сумм могут иметь место только в обществе с высоким уровнем жизни. В условиях российской действительности большая часть населения находится на грани бедности, и это следует учитывать [1, с. 17]. Однако стремление законодателя установить низший предел залоговой суммы вполне оправдано, поскольку такая регламентация в некоторой степени нормализует работу судов и способствует реализации принципа справедливости и равенства всех перед законом. Другое дело, что критерием установления низшего предела должна стать не четко обозначенная сумма залога, а коэффициент, исходя, например, из минимального размера оплаты труда. При установлении минимальных сумм залога законодателем не учтено также, что каждая категория преступления разнится по характеру и степени общественной опасности. Умышленные преступления всегда отличаются повышенной социальной опасностью, неосторожные – меньшей общественной опасностью. Сообразно этому, в том числе должны различаться минимальные размеры залога. Полагаем, дальнейшее реформирование залога как меры пресечения, с учетом обозначенных проблем и реализации внесенных предложений, позволит преодолеть имеющееся отторжение его в правоприменительной практике, поспособствует трансформации его из «придатка» заключения под стражу в самостоятельную, автономную меру пресечения.

Пленумом Верховного Суда РФ напрямую указывает, что судам, при установлении размера денежного залога, следует учитывать наличие имеющейся у залогодателя суммы денежных средств, кратной величине прожиточного минимума самого залогодателя и каждого члена его семьи, находящегося у него на иждивении, которая не может быть принята в залог

ввиду невозможности обращения взыскания. Следовательно, при отсутствии у лица указанных средств, залог фактически не может быть назначен.

Сущность проблемы заключается в невозможности представления залога в сумме меньшей, нежели указано в статье 106 УПК РФ, что, несомненно, является основанием, обосновывающим низкий уровень применения данной меры пресечения. По нашему мнению, данный вопрос возможно решить путем предоставления судебной рассрочки, при которой часть суммы будет необходимо внести в момент назначения, а оставшуюся – частями; в установленный судом срок.

Что касается имеющихся минимальных сумм, то целесообразным было бы предоставить судам возможность самостоятельно определять нижний предел залога в зависимости от индивидуальных характеристик как самого лица, так и обстоятельств деяния. Таким образом, залог как мера пресечения будет более распространенной на практике.

Достаточно широкий круг предметов, предоставляемых в качестве залога, является причиной для возникновения определенных проблем при принятии решения относительно назначения указанного вида меры пресечения. Исходя из этого, еще одним основанием для ограниченного применения залога в качестве меры пресечения является невозможность установления источника получения денежных средств. Несмотря на то, что действующий УПК РФ не требует уточнения источника происхождения денежных средств, вносимых в качестве залога, суды опасаются возможности получения средств, добытых преступным путем. Это связано с тем, что по истечении срока действия залога (при условии отсутствия нарушений со стороны лица) соответствующие органы обязаны вернуть их обратно, не возместив потерпевшему и части ущерба. Когда обвиняемый вносит залог за счет средств, полученных преступным путем, пресекательная функция залога теряет свою актуальность вследствие того, что способом обеспечения надлежащего поведения является незаконно добытое имущество. Иными

словами, лицо не будет претерпевать никаких негативных последствий в случае последующей утраты материальных благ.

Здесь же можно говорить и о пробеле в уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в части 4 статьи 106 УПК РФ, которая дает залогодателю право в письменной форме предоставлять информацию об отсутствии ограничений (обременений) прав на имущество. В данном случае возникает вопрос о добросовестности залогодателя. Например, когда предмет залога уже заложен, то для обвиняемого он уже ценности не имеет. В свою очередь, лицо, не имея материального стимула соблюдать установленные ограничения, может нарушить свои обязательства. Указанная проблема значительно затрудняет процесс назначения залога. В теории в качестве решения предлагается оставить как предмет залога только денежные средства, что представляется наиболее рациональным. С одной стороны, подобная мера существенно облегчит процедуру применения залога и как следствие станет стимулом для более частого применения этой меры пресечения. Но с другой, ограничение круга предметов, предоставляемых в качестве залога, может привести к невозможности исполнения данной меры многими субъектами правоотношений. Исходя из этого, можно сказать, что данный вопрос остается открытым. Данные проблемы в правоприменительной практике являются весьма актуальными, поскольку напрямую связаны со степенью распространенности применения данной меры пресечения [2, с. 57]. Так, упрощение процесса назначения ограничительной меры, контроль за предметами, предоставляемыми в качестве залога, уточнения полномочий судов при определении сумм, подлежащих внесению и некоторые другие моменты требуют особого внимания законодателя.

Таким образом, внесение изменений в УПК РФ и совершенствование судебно-следственной практики позволят повысить степень эффективности применения залога в качестве меры пресечения, а в дальнейшем станет основанием для установления более точных критериев применения данного процессуального средства ограничительного характера.

«Ранее мера пресечения в виде домашнего ареста предусматривала полную или частичную изоляцию лица от общества в пределах жилого помещения, то в настоящей редакции нормы законодатель устанавливает только полную изоляцию, также с доставкой лица на следственные или процессуальные действия на транспорте уголовно-исполнительной инспекции. В свою очередь, запрет определенных действий предусматривает частичную изоляцию в пределах определенного жилого помещения, так как на подозреваемого или обвиняемого может быть наложен запрет выходить в определенное время за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Законными основаниями проживания в жилом помещении в практической деятельности признаются и найм помещения без соответствующей регистрации такого договора в регистрационной палате, а также совместное проживание с сожителями без соответствующей регистрации в помещении, то есть фактическое предоставление. Использование стационарных средств контроля также разрешено в таких помещениях по аналогии с домашним арестом, однако в практической деятельности лица, проживающие совместно с подозреваемым или обвиняемым, которому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста или запрета определенных действий, заявляют о нежелании подключать в помещении такие устройства и ссылаются на возросшую оплату электроэнергии за их использование» [7, с. 49].

Кроме того, частичная, а не полная изоляции подозреваемого или обвиняемого обуславливает возможность применения запрета определенных действий на максимальный срок, больший относительно домашнего ареста (в отношении подозреваемых, обвиняемых в особо тяжких преступлениях – до 36 месяцев). В уголовно-процессуальном законе не установлен порядок зачета меры пресечения в виде запрета определенных действий в итоговый срок наказания, что влечет за собой отсутствие единого подхода к исчислению сроков наказания при зачете мер пресечения [8, с. 47] и может привести к применению частичной изоляции лица, полностью схожей с домашним

арестом в редакции ст. 107 УПК РФ до принятия Федерального закона № 72-ФЗ, без зачета в срок отбывания наказания. Представляется целесообразным при установлении частичной изоляции от общества в виде запрета покидать жилое помещение определенное время законодательно установить зачет такого времени в срок наказания по аналогии с домашним арестом, а при запретах, касающихся только воздержания от определенных действий, например, управлять транспортным средством – зачета не производить. Тем самым мера пресечения в виде запрета определенных действий представляет собой частично домашний арест до внесения изменений Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, а частично – уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, может применяться к более широкому кругу подозреваемых или обвиняемых и позволяет без зачета ее срока в наказание и доставки лица за счет бюджетных средств добиться схожих с домашним арестом условий изоляции.

«Следует отметить проблематику в конструкции нормы ст. 105.1 УПК РФ относительно возможности применения сразу нескольких мер пресечения, так как к подозреваемому или обвиняемому, которому избран домашний арест или залог, может быть применен один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, что противоречит ст. 97 УПК РФ об избрании в отношении указанных лиц только одной меры пресечения» [31, с. 118]. Относительно осуществления контроля за мерой пресечения в виде запрета определенных действий у уголовно-исполнительных инспекций отсутствует инструкция его применения к подозреваемым или обвиняемым. В практической деятельности такой контроль и документационное обеспечение осуществляются по аналогии с домашним арестом, несмотря на норму, содержащуюся в п. 11 ст. 105.1 УПК РФ, согласно которой «порядок осуществления такого контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной

политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации».

Таким образом, «отсутствие соответствующих инструкций у уголовно-исполнительной инспекции по контролю за мерой пресечения в виде запрета определенных действий и ее применение по аналогии с домашним арестом может фактически «заменить» домашний арест, так как позволит подозреваемым или обвиняемым, страдающим определенными заболеваниями, посещать медицинские учреждения, самостоятельно являться по вызову следователя, дознавателя или в суд и при этом достичь необходимой степени изоляции лица в пределах жилого помещения, а также применять к подозреваемому или обвиняемому больший круг обязательств, нежели домашний арест» [23, с. 89].

В настоящее время в практической деятельности продолжают возникать проблемы и при применении и осуществлении контроля уголовно-исполнительной инспекцией за мерой пресечения в виде домашнего ареста [11, с. 114].

Так, явка подозреваемого или обвиняемого на следственные и процессуальные действия обеспечивается уголовно-исполнительной инспекцией, а, как правило, на один филиал уголовно-исполнительной инспекции выделяются одно транспортное средство и сотрудник, контролирующий подозреваемого или обвиняемого по установленному судом месту проживания. Однако в случае назначения следственных действий на одно и то же время в разных местах нескольким подозреваемым или обвиняемым, которым судом избран домашний арест, это существенно затрудняет обеспечение их доставки [46, с. 202].

Практические работники отмечают, что доставка подозреваемых или обвиняемых, которым избран домашний арест, соотносима с бесплатным

«государственным такси» и существенно затрудняет деятельность уголовно-исполнительной инспекции, особенно в случае неисправности транспортного средства. Возложение же обязанности на подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться на следственные действия не представляется возможным, так как ст. 108 УПК РФ определяет домашний арест как «нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении», тем самым самостоятельное следование к месту проведения следственных действий не обеспечит такую изоляцию. При этом нарушение условий меры пресечения в виде домашнего ареста подозреваемым или обвиняемым не всегда является основанием для его замены судом на заключение под стражу. Так, суды помимо допущенных нарушений учитывают состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого, а также его явку на следственные или судебные действия и указывают на отсутствие оснований для замены домашнего ареста на заключение под стражу ввиду состояния здоровья, тем самым уголовно-исполнительная инспекция не имеет должных мер воздействия на подозреваемых или обвиняемых, так как указанная деятельность по контролю за мерами пресечения несвойственна уголовно-исполнительным инспекциям. Представляется целесообразным расширить взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел и предусмотреть соответствующие показатели их совместной деятельности по контролю за мерами пресечения.

2.4 Заключение под стражу

Заключение под стражу считается самой строгой из всех мер пресечения.

Вступление в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ ознаменовало реализацию нововведений в отечественном правовом регулировании меры пресечения в виде заключения под стражу. В первую очередь среди них следует назвать судебный порядок ее избрания. После указанных изменений число лиц, заключаемых под стражу, значительно сократилось. Однако само

по себе такое сокращение не свидетельствует о том, что случаи необоснованного избрания и применения данной меры пресечения были сведены к минимуму. Законодательство в части регламентации самой строгой меры пресечения продолжает динамично развиваться. Так, в декабре 2009 г. в УПК РФ внесены изменения, ограничившие случаи избрания заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении отдельных преступлений [25, с. 54]. После этого количество обращений правоохранительных органов в суд с ходатайствами о заключении под стражу уменьшилось на 25%.

В декабре 2010 г. в УПК РФ были внесены изменения, согласно которым мера пресечения в виде заключения под стражу изменяется на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. В январе 2011 г. законодателем были определены обстоятельства, препятствующие содержанию под стражей обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений. В декабре 2012 г. изменено условие, позволяющее применять заключение под стражу: санкция за преступление, в котором обвиняется (подозревается) лицо, должна быть в виде лишения свободы на срок свыше 3 лет против предыдущей установки – свыше 2 лет. Февраль 2018 г. – усовершенствован порядок исчисления и продления срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства. В апреле 2018 г. введена новая мера пресечения, альтернативная заключению под стражу, – запрет определенных действий. В августе 2019 г. установлены дополнительные требования к содержанию ходатайства о продлении срока содержания под стражей, уточнен круг лиц, в отношении которых заключение под стражу не может быть применено [33].

Указанные обстоятельства демонстрируют, что защите личности, ее прав на свободу и личную неприкосновенность стало уделяться больше внимания. Вместе с тем, законодательство в части регламентации самой строгой меры пресечения не является неизменным, оно продолжает

совершенствоваться. Вместе с тем анализ складывающейся судебной следственной практики не позволяет говорить об отсутствии случаев необоснованного и незаконного избрания и применения данной меры пресечения. Существование таких фактов определяется как сохраняющимися проблемами правового свойства, так и ненадлежащей работой со стороны отдельных дознавателей, следователей, судей. В связи с этим вопросы законности и обоснованности ограничения прав личности при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу продолжают оставаться актуальными.

Содержание под стражей при расследовании преступлений имеет временные ограничения и по общему правилу не может превышать 2 месяца (ч. 1 ст. 109 УПК РФ). При этом закон предусматривает возможность продления этого срока до 6, 12, 18 месяцев и в особых случаях свыше 18 месяцев (ч.ч. 2-4 ст. 109 УПК РФ), устанавливая при этом дополнительные условия. Несмотря на подробную законодательную регламентацию избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу, существующие нормы УПК РФ в этой части далеки от совершенства. Кроме того, складывающаяся правоприменительная практика продолжает вызывать самые серьезные нарекания [28, с. 85].

Для того чтобы мера пресечения была применена законно и обоснованно, в распоряжении органов, ведущих процесс, должны иметься достаточные данные, подтверждающие недобросовестность поведения обвиняемого (подозреваемого). Это фактические данные, на основании которых можно принять законное и обоснованное (ст. 7 УПК РФ) решение.

Поэтому совершенно правильно, что категории «законность» и «обоснованность» рассматриваются не отдельно, а во взаимосвязи. Говорить о том, что решение о заключении под стражу законно, но не обоснованно, – невозможно. Этот тезис можно продемонстрировать исходя из анализа уголовно-процессуальных норм. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 101 УПК РФ об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносят

постановление, а суд – определение, содержащее указание на преступление, в котором обвиняется или подозревается лицо, и основание для избрания этой меры пресечения. Следовательно, не представив и не обосновав материалы о правильности принятого решения, должностное лицо не выполнит ряд требований закона (ст.ст. 7, 97, 101 УПК РФ и др.), поэтому его решение будет являться незаконным. Таким образом, каждое необоснованное постановление является одновременно и незаконным. Поэтому значимость требования обоснованности заключения под стражу для законности избрания и применения данной меры пресечения и защиты прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, чрезвычайно высока [33, с. 102].

Обоснованность решения об избрании заключения под стражу предполагает соответствие выводов фактическим обстоятельствам дела. Однако остается невыясненным, каково внутреннее содержание требований (критерии обоснованности). Большинство источников, касающихся обоснованности решений, затрагивают вопросы обоснованности судебного приговора. И в этой части исследователи обращаются к положениям УПК РФ (ст. 389.16), устанавливающим основания признания приговора не соответствующим фактическим обстоятельствам дела. Если обозначенные в ст. 389.16 УПК РФ установления адаптировать применительно к предмету нашей работы, то мы получим общие критерии обоснованности решения об избрании заключения под стражу.

Для заключения под стражу, как и для остальных мер пресечения, существуют единые цели, нашедшие отражение в ст. 97 УПК РФ. Специфика заключения под стражу, исходя из ее сущности и степени ограничения прав и свобод обвиняемого (подозреваемого), проявляется через способы достижения этих целей. Действующее законодательство, устанавливая приоритетную ценность прав и свобод человека и гражданина, определяет случаи, когда право на личную свободу, неприкосновенность, свободу передвижения может быть ограничено. При этом уголовно-процессуальным законодательством установлена система гарантий законности и

обоснованности избрания и применения заключения под стражу в виде комплекса условий, оснований, порядка и сроках ее избрания, продления, отмены, замены.

При применении заключения под стражу лицо терпит многочисленные ограничения личного и имущественного характера. Например, утрачивается возможность распоряжаться личным временем, ограничивается право на свободу общения, переписки; заключенный ограничивается в праве заниматься трудовой деятельностью, пользоваться и распоряжаться имуществом и др. Данные обстоятельства демонстрируют необходимость самой серьезной и детальной регламентации мер принуждения вообще и заключения под стражу особенно.

Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ, судья выносит решение о применении меры пресечения согласно представленных фактов, указывающих на подтвержденные обстоятельства. Поэтому законодательство обращает внимание правоохранительных органов на необходимость детализировать основания, опираясь на которые формируется выбор наиболее строгой меры пресечения, а также обязательное их подтверждение доказательствами. Именно поэтому данные обстоятельства обязывают проводить мероприятия по обоснованию и подтверждению предоставленных материалов в ходе судебного разбирательства. Однако, если следователь направляет в суд ходатайство о задержании подозреваемого/обвиняемого, построенное на оперативно-исследовательской практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, информации, то такие данные учитываются в поле уголовного производства как доказательства, и являются очевидным основанием использования их в качестве аргумента, указывающего на вынесение постановления о выборе меры пресечения в виде заключения под стражу. Вместе с тем, важен вопрос соблюдения тайны расследования при составлении обращения в суд и подготовке пакета необходимых документов. В свою очередь, исполнение данного нормативного акта Конституционного Суда РФ, влечет необходимость документального обоснования обращений,

гарантирующих выполнение «требований разумной достаточности для их рассмотрения судом». Передача вещественных доказательств может быть произведена не позднее 8 часов до истечения срока содержания под стражей (согласно ст. 91, ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Получение решения суда в виде отказа о выборе меры пресечения в виде содержания под стражей, служит условием оправдания в квалификации УПК РФ нарушения срока подачи ходатайства. Также важен факт принятия решения об избрании меры пресечения до истечения 48 часов с момента задержания обвиняемого/подозреваемого. Поэтому при соблюдении вышеперечисленных условий решение о принятии меры пресечения в виде заключения под стражу будет иметь законную силу.

Таким образом, основанием для принятия справедливого решения о выборе меры пресечения способствует информация, указывающая на общественную опасность и характер преступления, его изощренность, жестокость, совершение действий в организованном преступном сообществе, корыстные или низменные мотивы, негативное поведение обвиняемого, осуждение за тяжкие или особо тяжкие преступления. Если подозреваемый/обвиняемый нарушил ранее избранную в отношении него меру сдерживания, либо сообщает ложные сведения о своей личности, либо не имеет места содержания/проживания ПМЖ на территории РФ, такие данные также учитываются при принятии решения о выборе меры пресечения.

Глава 3 Проблемы избрания и применения мер пресечения в уголовном процессе

3.1 Проблемы применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве России

На практике существуют проблемы избрания и применения ряда мер пресечения, обусловленные, на наш взгляд, системными недостатками института мер пресечения. Приведем пример из практики. В процессе расследования уголовного дела № 2017/48***, возбужденного следователем СО УМВД России по г. Тюмени по факту мошенничества (ч. 2 ст. 159.3 УК РФ), были собраны доказательства, указывающие на причастность к совершению данного деяния О., постоянно проживающего в г. Омске, ранее судимого. Следователь принял решение избрать в отношении О. меру пресечения, после чего возбудил перед судом ходатайство об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу. В процессе рассмотрения ходатайства доводы стороны обвинения судом не были приняты, и вынесено решение об отказе в удовлетворении данного ходатайства. После оглашения решения в зале судебного заседания следователь вынес решение об избрании в отношении О. в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении. Постановление об избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении было объявлено в присутствии участников судебного заседания, подозреваемый указал адрес своего места пребывания, после чего по совету защитника отказался подписать постановление и заполнить текст подписки о невыезде и надлежащем поведении. Об отказе подозреваемого следователем была внесена запись в бланк подписки, запись удостоверили выступившие в качестве понятых присутствующие на судебном заседании. По окончании указанных действий О. из г. Тюмень уехал, по указанному им адресу в г. Омск появляется

эпизодически, на связь с защитником выходил лишь по телефону или посредством сети Интернет.

В дальнейшем следователем было вынесено постановление о привлечении О. в качестве обвиняемого, однако предъявить обвинение не представилось возможным, поскольку местонахождение О. по настоящее время неизвестно. Уголовное дело было приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ (подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам). В данном случае мера пресечения - подписка о невыезде и надлежащем поведении - была избрана, поскольку все требования УПК РФ относительно порядка избрания меры пресечения следователем были выполнены; кроме того, п. 13 ст. 5 УПК РФ напрямую приравнивает избрание меры пресечения к принятию уполномоченным властным субъектом решения о мере пресечения в 45 отношении подозреваемого, обвиняемого. Однако избрание меры пресечения отнюдь не означает ее реализацию. В п. 2 той же ст. 5 УПК РФ дано понятие применения меры пресечения. Буквальное толкование данной дефиниции позволяет констатировать, что в рассматриваемой ситуации мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении была избрана, но не применена, так как последующие процессуальные действия по ее реализации предприняты не были в связи с отказом подозреваемого от доведения процедуры до завершения [40, с. 57].

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений также выделил, что УПК РФ разделяет избрание меры пресечения и применение меры пресечения. В приведенном выше примере характерным выступает тот факт, что реализация (да и само существование) решения следователя, вынесенного в рамках выполнения делегированных государством властных полномочий и нацеленного на решение задачи уголовного преследования, поставлено в прямую зависимость от волеизъявления лица, чьи интересы этим решением ущемляются. Безусловно, рассмотренная ситуация на практике может быть решена в соответствии с

положениями ч. 1 ст. 110 УПК РФ в контексте решения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 года № 27-О, в котором, в частности, разъяснено, что отказ подозреваемого, обвиняемого дать подписку о невыезде и надлежащем поведении свидетельствует о том, что цели данной меры пресечения здесь не могут быть достигнуты (возможность избрания другой меры пресечения), однако сам факт такого противоречия настораживает. Не вдаваясь в теоретические споры относительно сущности, правовой природы, назначения и других принципиальных аспектов существования, отдельные меры пресечения рассмотрим сквозь призму «пожеланий» участников уголовного судопроизводства и/или иных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс [41, с. 161].

Заключение под стражу (ст. 28 ст. 108-109 УПК РФ) и домашний арест (ст. 107 УПК РФ) сопряжены с лишением свободы передвижения, и предпосылки их применения рассматриваются объективно, мнение невластных участников уголовного процесса не приобретает при применении этих мер пресечения решающего значения. Запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) носит категорический характер, при избрании этой меры пресечения мнение подозреваемого, обвиняемого обязательной силы не приобретает. Предусмотренное ст. 103 УПК РФ личное поручительство:

- избирается по письменному ходатайству лица (одного или нескольких), в последующем приобретающего статус поручителя;
- применяется с согласия подозреваемого, обвиняемого. Данная мера пресечения весьма лояльна, ограничения поведения лица, в отношении которого дано поручительство, в законе не установлены, санкция за нарушение меры пресечения установлена для поручителя (что вполне логично). От следователя (дознателя) не зависит не только применение этой меры пресечения, но и даже избрание ее происходит по инициативе иных лиц, не являющихся участниками уголовного процесса. Наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) также, согласно ч. 2 упомянутой статьи ставит в

качестве обязательного условия избрания согласие подозреваемого, обвиняемого. Диспозиция ст. 105 УПК РФ (присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым), на первый взгляд, не подразумевает возможности влияния на процесс избрания и применения присмотра волеизъявления несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или лиц, которым несовершеннолетний передается под присмотр. Однако, налицо аналогия с рассмотренным выше примером реализации положений ст. 102 УПК РФ: у лица, принимающего на себя обязанности по осуществлению присмотра за несовершеннолетним, есть возможность отказаться от дачи письменного обязательства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УПК РФ. Такой отказ влечет невозможность применения присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым [42, с. 22].

Положения ст. 106 УПК РФ (залог) также показывают необходимость учитывать волеизъявление подозреваемого, обвиняемого или иного лица — залогодателя. Более того, ч. 2 ст. 106 УПК РФ предусматривает активную роль подозреваемого, обвиняемого или иного лица в избрании залога. Краткий анализ мер пресечения позволяет сделать парадоксальный и достаточно неприятный вывод, что в ситуации противодействия предварительному расследованию со стороны подозреваемого (обвиняемого) у следователя (дознателя) на вооружении имеются фактически лишь те меры пресечения, избрание которых либо имеет определенную специфику, связанную, в частности, с обстоятельствами совершенного преступления или характерными чертами субъекта уголовного преследования (касается запрета определенных действий и домашнего ареста), либо сопряжено с наличием жестких условий, указанных в законе (невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения; санкция статьи уголовного закона, по которой осуществляется уголовное преследование, предусматривает лишение свободы на срок свыше 3 лет - заключение под стражу).

На наш взгляд, это противоречит самой сути мер пресечения. В многочисленных определениях мер пресечения, встречающихся в научной и учебной литературе, подчеркивается, что меры пресечения - это разновидность мер государственного (процессуального) принуждения [15, с. 31]. Необходимость в принуждении появляется при несовпадении интересов государства и воли принуждаемого субъекта и имеет своей целью сформировать у лица состояние подчиненности, заставить его выполнять предписанные законом действия либо, напротив, воздержаться от противоправных поступков [18, с. 35]. В нашем случае публичный характер деятельности государства, выступающего в лице следователя (дознателя), сталкивается с волей лица, потенциально заинтересованного в прекращении уголовного судопроизводства, максимальном затруднении решения задач правоохранительных органов, и в решении этого конфликта приоритетную роль играет частный интерес.

Подобный подход законодателя, как нетрудно убедиться на приведенном выше примере из уголовного дела, во многом влияет на появление серьезных проблем в реализации уголовного преследования. Конечно, нельзя сказать, что только избрание меры пресечения обеспечит надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого, однако снижать превентивное значение своевременно примененных мер пресечения не следует. Приведенные суждения далеко не бесспорны, однако, как представляется, остро назрела необходимость реформирования не отдельных мер пресечения, но основ порядка их избрания и применения.

Проблема соблюдения прав личности при избрании и применении заключения по стражу остается по-прежнему актуальной. Одними из свидетельств тому являются многочисленные жалобы на решения о заключении под стражу, поступающие как в суды Российской Федерации, так и в Европейский Суд по правам человека. Следует подчеркнуть, что определенная их часть признается судами обоснованной.

3.2 Предложения по совершенствованию законодательства в части регламентации мер пресечения

Направление совершенствования должно обуславливаться стремлением повысить эффективность мер пресечения, их действенность в достижении цели уголовно-процессуального принуждения. В данном контексте, нам представляется не совсем верным курс на расширение системы мер пресечения, взятый законодателем в настоящее время. Запрет определенных действий находится явно не на своем месте в соотношении с другими мерами пресечения, с одной стороны, конкурируя с домашним арестом, а с другой - вступая в противоречие с общими принципами применения мер пресечения. Гораздо уместнее, ограничения, предусмотренные в содержании этой меры пресечения, выглядят как самостоятельные, дополнительные к основным, ограничения, которые могли бы применяться вместе с любой мерой пресечения, исключая заключение под стражу.

Вызывает сомнение целесообразность нахождения в системе мер пресечения и таких мер, как личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым и наблюдение командования воинской части.

Несмотря на то, что только первая из них, прямо в названии недвусмысленно указывает, что эта мера связана с деятельностью заслуживающего доверия лица — поручителя, присмотр за несовершеннолетним, и наблюдение командования воинской части также необходимо рассматривать как разновидности поручительства. Отличие этих мер заключается лишь в том, что личное поручительство это добровольная его разновидность — возникновение обязанностей поручителя здесь возникает только в силу его согласия, тогда как последние две меры в основе имеют законодательно установленную обязанность законного представителя несовершеннолетнего, должностного лица специализированного детского учреждения, командования воинской части нести ответственность за

поведение своего «подопечного», и в случае применения этой меры их согласия на принятие обязательств по присмотру и наблюдению за подозреваемым или обвиняемым не требуется.

С одной стороны, наличие этих принудительных мер в арсенале суда и органов, осуществляющих уголовное преследование, безусловно, делает палитру мер пресечения более разнообразной, предоставляя им вариативность при выборе тех или иных средств воздействия в отношении подозреваемых или обвиняемых. Но, эффективны ли они? Думается, что ответ на этот вопрос очевиден - нет не эффективны.

О низкой эффективности того же личного поручительства говорит хотя бы факт их чрезвычайно низкой востребованности на практике - из года в год количество случаев применения этой меры по отношению к общему количеству применяемых мер составляет даже не единицы, а доли процента.

Конечно, если говорить о присмотре за несовершеннолетним и, особенно, о наблюдении командования воинской части, то цифры здесь будут несколько иными. Например, по некоторым регионам наблюдение командования воинской части избирается в четверти всех случаев применения мер пресечения по отношению к военнослужащим. Однако сравнение статистики применения личного поручительства, являющейся «общеупотребимой» мерой, со статистикой избрания специальных мер, избираемых в отношении специальных групп обвиняемых (подозреваемых), к которым относятся присмотр за несовершеннолетним и наблюдение командования воинской части, представляется не совсем корректным. Да и само оперирование исключительно статистикой при анализе эффективности тех или иных явлений не способно показать истинной картины. Низкие статистические показатели здесь - это следствие, а не причина неэффективности.

Эффективность, а следовательно, и необходимость присутствия в системе мер пресечения различных видов поручительств оспорима по другой причине, а именно - по причине несоответствия природы личного

поручительства, наблюдения командования воинской части и присмотра за несовершеннолетним сущности мер пресечения, их неспособности обеспечить достижения цели применения мер пресечения - охраны уголовно-процессуального закона от противоправного посягательства не него со стороны подозреваемого или обвиняемого.

Мера пресечения, это средство пресекающего воздействия на поведение подозреваемого или обвиняемого, реакция на потенциальное или случившееся его противоправное поведение. При этом она, как мы уже писали выше, будучи принудительной мерой, должна быть сопряжена с правоограничениями в отношении этих участников уголовного судопроизводства. Именно в таком контексте какая-либо мера пресечения может рассматриваться как эффективное средство принуждения. Более того, без возможности правоограничения подозреваемого или обвиняемого она утрачивает одно из своих системообразующих свойств и вообще вряд ли должна рассматриваться в качестве меры пресечения [56, с. 1001].

На чье же поведение воздействуют рассматриваемые «меры пресечения», на кого они возлагают дополнительные обязанности? Анализ закона приводит к парадоксальному выводу: эти меры воздействуют на поведение поручителя или иного лица, которое по закону несет ответственность за поведение подозреваемого или обвиняемого, но не на самого адресата меры пресечения, т. е. подозреваемого или обвиняемого. Именно это, а не «кризис доверия», т. е. отсутствие круга лиц, которые обладают достаточными личными качествами и могли бы стать поручителями, на что чаще всего пеняют те или иные исследователи, необходимо рассматривать в качестве главного аргумента против того, чтобы поручительство, в какой бы форме оно не выступало, рассматривалось как мера пресечения.

По той же причине нельзя считать мерой пресечения присмотр за несовершеннолетним и наблюдение командования воинской части. Даже несмотря на их большую распространенность на практике в сравнении с

личным поручительством. На это обстоятельство обращал внимание еще О.В. Петрова, по мнению которой вряд ли было оправдано, что за надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого ручаются совершенно иные лица, тогда как сам он никаких обязательств в силу избрания меры пресечения, согласно положениям советского закона не несет [35, с. 10]. При этом, вместо того, что бы признать очевидный факт - поручительство не может быть мерой пресечения, автор предпринял попытку «примирить» закон со здравым смыслом, рекомендовав законодателю изменить положения уголовно-процессуального закона, допустив, при применении поручительства, одновременное возложение на подозреваемого или обвиняемого ряда обязанностей, идентичных тем, которые возлагаются на него при отобрании подписки о невыезде, т. е., по сути, одновременно применять две меры пресечения.

Мы не можем согласиться с таким выходом из положения, так как по своей природе поручительство - не мера пресечения. Любой его вид, применительно к уголовному процессу, необходимо рассматривать исключительно как средство обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого. Такие средства вполне могли бы, в силу добровольного согласия поручителя или на основании требований закона, применяться как дополнительный контролирующий «фактор» за надлежащим поведением подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, либо иная мера процессуального принуждения, такая как обязательство о явке [58, с. 75].

С другой стороны, само по себе наличие поручителя согласившегося или обязанного обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого, при условии придания им истинного предназначения как средства обеспечения, возможно было бы учитывать, как лишний аргумент в пользу применения наиболее «щадящих» мер воздействия на него [57, с. 130].

Считаем, что систему мер пресечения, в перспективе, можно было бы ограничить четырьмя мерами: подпиской о невыезде и надлежащем

поведении, залогом подозреваемого или обвиняемого, домашним арестом и заключением под стражу.

Таким образом, в качестве дополнительных мер, применяемых наряду с мерами пресечения, в законе следует закрепить:

- открытый перечень ограничений и запретов, налагаемых как судом, так и следователем (дознавателем), с учетом личности обвиняемого (подозреваемого), характера преступления, в совершении которого он обвиняется или подозревается и иных обстоятельств;
- четыре меры, являющиеся средствами обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого: личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним, наблюдение командования воинской части и залог, переданный или вносимый в интересах подозреваемого или обвиняемого.

Итак, в настоящее время в практической деятельности продолжают возникать проблемы и при применении и осуществлении контроля уголовно-исполнительной инспекцией за различными мерами пресечения. Проблема соблюдения прав личности при избрании и применении мер пресечения остается по-прежнему актуальной. Одними из свидетельств тому являются многочисленные жалобы на решения в суды Российской Федерации, так и в Европейский Суд по правам человека. Направление совершенствования должно обуславливаться стремлением повысить эффективность мер пресечения, их действенность в достижении цели уголовно-процессуального принуждения.

Заключение

По результатам проведенного исследования правового регулирования мер пресечения на основе изучения доктринальных разработок, нормативно – правовых актов можно сделать следующие выводы.

Меры пресечения – это меры государственного принуждения, сущность которых заключается в ограничении личной свободы обвиняемого (подозреваемого), применяемые для предотвращения возможных нарушений процессуального права, для обеспечения исполнения приговора, а также выдачи лица иностранному государству. Отсутствие определения мер пресечения в уголовно-законодательстве позволяет различно толковать указанное понятие, поэтому считаем необходимым разработать на законодательном уровне и закрепить в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса понятие «меры пресечения».

Само по себе государственное принуждение всегда исходит от государства, хотя само оно и не является стороной правоотношения, поэтому от имени государства действуют определенные органы и должностные лица, которым переданы полномочия по применению государственно-принудительного воздействия. Как правило, в каждой сфере общественных отношений законодательными актами устанавливается круг органов и должностных лиц, уполномоченных на применение конкретных мер принудительного воздействия. Такие органы и должностные лица являются представителями государства в тех или иных правоотношениях и непосредственно применяют меры принуждения к отдельным субъектам.

Применять меры пресечения как один из видов государственно-принудительного воздействия уполномочен определенный круг должностных лиц и органов. К числу последних относятся дознаватель, следователь, а также суд. При этом самостоятельно, без судебного решения, следователь и дознаватель могут применять не все имеющиеся в законодательстве меры

пресечения, а лишь наименее суровые, в то время как по решению суда могут быть применены и те, которые в наибольшей степени ограничивают личную свободу обвиняемого, подозреваемого. К числу последних относятся залог, домашний арест, заключение под стражу, а также нововведенная мера - запрет определенных действий. Вытекает из этого и распространенная в доктрине уголовного процесса классификация мер пресечения, в основу которой положено их деление на две большие группы в зависимости оттого, кто уполномочен на ее применение.

Меры пресечения не следует путать с наказанием, которое также является мерой государственного принуждения, но они отличаются друг от друга по ряду критериев, прежде всего по цели.

Избрание и применение меры пресечения является законным, если соблюдены все требования, установленные уголовно-процессуальным законодательством, а именно: наличие оснований, закрепленных в ст. 97 УПК РФ, присутствие обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, вынесение постановления (определения) об избрании меры пресечения уполномоченным на то органом или должностным лицом. При этом в каждом случае должна проверяться возможность назначения более мягкой меры пресечения в целях наименьшего ограничения прав и свобод обвиняемого (подозреваемого).

Сами по себе основания, в отрыве от других требований, предъявляемых законом к порядку принятия решения о применении меры пресечения, не могут исчерпывающим образом характеризовать этот механизм. Для того, чтобы решение отвечало критериям законности, обоснованности и мотивированности необходимо соблюдение всех условий его принятия, которые, к тому же, находятся в определенном соотношении друг с другом.

Считаем, что систему мер пресечения, в перспективе, можно было бы ограничить четырьмя мерами: подпиской о невыезде и надлежащем

поведении, залогом подозреваемого или обвиняемого, домашним арестом и заключением под стражу.

В качестве дополнительных мер, применяемых наряду с мерами пресечения, в законе следует закрепить:

- открытый перечень ограничений и запретов, налагаемых как судом, так и следователем (дознавателем), с учетом личности обвиняемого (подозреваемого), характера преступления, в совершении которого он обвиняется или подозревается и иных обстоятельств;
- четыре меры, являющиеся средствами обеспечения надлежащего поведения подозреваемого или обвиняемого: личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним, наблюдение командования воинской части и залог, переданный или вносимый в интересах подозреваемого или обвиняемого.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аветисян А.Д. Совершенствование деятельности следователя по применению мер пресечения, не связанных с лишением свободы: учебное пособие / А.Д. Аветисян. Ставрополь : Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. 63 с.
2. Ажиев Р.В. Понятие исполнения мер процессуального принуждения // Евразийский научный журнал. 2017. № 5. С. 57-59.
3. Апелляционное постановление Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26 июня 2019 года по делу № 10-27 / 2019 // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.2021 г.).
4. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 20 сентября 2018 года по делу № 22-1541/ 2018 // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.2021 г.).
5. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 10 октября 2016 года по делу № 22-5127/ 2016 // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.2021 г.).
6. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 181 с.
7. Баландюк О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 250 с.
8. Бондаренко И.П. Меры пресечения в системе мер процессуального принуждения // Мир юридической науки. 2019. № 1-2. С. 47-51.
9. Бурмагин С.В. Как обосновать переход на альтернативную меру пресечения, когда следователь ходатайствует о заключении под стражу // Уголовное право. 2018. № 10. С. 60-69.

10. Брыляков С.П., Пупышева Л.А. Особенности применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Юридическая мысль. 2016. № 4 (96). С. 122-126.
11. Васильева З.В., Кутуев Э.К. Меры уголовно-процессуального принуждения: понятие, цели, виды и общая характеристика: лекция // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 11. С. 114-118.
12. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. 452 с.
13. Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения. Москва : Юрлитинформ, 2017. 367 с.
14. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 78-84.
15. Воронцова Н. Основания применения мер пресечения по УПК РФ // Российский следователь. 2016. № 9. С. 31-33.
16. Глизнуца С.И. Виды мер пресечения, применяемых к несовершеннолетним обвиняемым, подозреваемым / С.И. Глизуница, Ю.В. Даровских // Право и политика. 2019. № 9. С. 1875-1881.
17. Дорошева А.А. Некоторые проблемы применения «строгих» мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ / А.А. Дорошева // Устойчивое развитие науки и образования / Общество с ограниченной ответственностью «АМиСта». Воронеж, 2018. № 8. С. 140-145.
18. Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 242 с.
19. Зайцева Е.А., Костерина Н.В. Полномочия суда на стадии предварительного расследования// Волгоградская академия МВД России. - 2017. 148 с.

20. Исакова А.С. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения в уголовном процессе / А.С. Исакова // Молодой ученый. 2018. № 11. С. 530-532.

21. Квык А.В. К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом // Российский следователь. 2017. № 4. С. 24-26.

22. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Изд. Воронежского университета, 1975. 175 с.

23. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: доктринальный и юридико-технический анализ / С.В. Колоскова, Л.М. Фетищева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (34). С. 89-93.

24. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.05.2021 г.).

25. Кутуев Э.К. Государственное принуждение: теоретические и уголовно-процессуальные аспекты : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 118 с.

26. Кутаев Э.К. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс). Учебник. СПб. : Фонд Университет, 2019. 583 с.

27. Коновалова М.А. Некоторые актуальные вопросы избрания и применения меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 168-172.

28. Курочкин А.Д. Об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 1 (42). С. 85-89.

29. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография / К.В. Муравьев. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 228 с.

30. Николук В.В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. Москва: РГУП, 2018. 170 с.

31. Николаева М.И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 117-123.

32. Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2014 г. № 27-72 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева А.Е. на нарушение его конституционных прав статьей 102 УПК РФ» // Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.06.2021 г.).

33. Орлов Р.В. Заключение под стражу как мера пресечения в российском судопроизводстве: понятие, сущность, основания применения и сроки / Р.В. Орлов. Иркутск, 2018. 107 с.

34. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: практическое пособие : в 2 ч. / В.А. Давыдов [и др.] ; под ред. В.М. Лебедева. – 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 214 с.

35. Петрова О.В. Основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / О.В. Петрова, Т.К. Рябинина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. № 2. С. 8-14.

36. Петренко М.Н. Государственно-правовое принуждение: критерии допустимости и теоретические основания : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 205 с.

37. Плоткина Ю.Б. К вопросу о сущности и целях мер пресечения / Ю.Б. Плоткина // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 192-194.

38. Пупышева Л.А. Меры пресечения уклонения осужденного от исполнения приговора и обеспечения его явки в судебное заседание для рассмотрения дел о замене наказания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XIII международной научно-практической конференции. Иркутск : ВСЮИ МВД России, 2018. С. 259-262.

39. Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 413 с.

40. Светочев В.А. Уголовно-процессуальный алгоритм избрания меры пресечения в виде домашнего ареста / В.А. Светочев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 57-61.

41. Семушкина О.Л. Особенности избрания мер пресечения по судебному решению / О.Л. Семушкина // Публичное и частное право. 2016. № 1. С. 161-166.

42. Судницын А.Б. Вероятность обстоятельств, являющихся основанием для избрания и применения меры пресечения / А.Б. Судницын // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 22-27.

43. Судницын А.Б. Тяжесть обвинения (подозрения) и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок как фактические данные, подтверждающие основание избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования / А.Б. Судницын // Законодательство и практика. 2018. № 1 (40). С. 46-50.

44. Сумин А.А. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и продление срока содержания под стражей (актуальные проблемы): учебное пособие / А.А. Сумин. М. : МосУ МВД России, 2017. 68 с.

45. Тимохин Ю.А. Значение подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения, препятствующей уклонению обвиняемого от явки к следователю / Ю.А. Тимохин // Российский следователь. 2017. № 10. С. 9-11.

46. Ткачева Н.В. Залог как мера пресечения, применяемая по судебному решению / Н.В. Ткачева // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. № 1. С. 202–203.

47. Трифонова К.А. Совершенствование нормативного регулирования меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) // Нормативное регулирование борьбы с правонарушениями. Научный альманах. 2020. № 1. С. 3-7.

48. Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М. : Юрлитинформ, 2016. 359 с.

49. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.06.2021 г.).

50. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об опеке и попечительстве» // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 11.06.2021 г.).

51. Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 247 с.

52. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1910. 573 с.

53. Хапаев И.М. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу / И.М. Хапаев // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 3. С. 59-65.

54. Царева Ю.В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 323 с.

55. Цоколова О.И. Подписка о невыезде как ограничение прав личности // Проблемы право-охранительной деятельности. 2015. № 51. С. 6-9.

56. Чернова С.С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном судопроизводстве / С.С. Чернова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. Т. 4. № 34. С. 1001-1005.

57. Чуниха А.А. Сущность и субъекты личного поручительства / А.А. Чуниха // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2019. № 2. С. 130-133.

58. Шабанов В.Б. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий: проблемы реализации / В.Б. Шабанов, Л.Ю. Буданова // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15(1-4), № 1. С. 75-78.

59. Ямало-Ненецкий АО, Новости Следственного комитета РФ // Режим доступа: <https://sledcomrf.ru/region/90.html> (дата обращения: 24.08.2021 г.).